

Памяти **Анны Павловны Филосовой.**

Е. Писаревой.

(Продолженіе *)

Передъ великимъ характеромъ
блѣднѣетъ самый сильный интел-
лектъ.

Эмерсонъ.

Х.

Послѣ возвращенія изъ ссылки.—Женское взаимно-благотворительное общество.

Но недолго продолжалось радостное настроеніе Анны Павловны и ея семьи. Она вернулась на родину 4-го февраля 1881 г., а 1-го марта произошло убійство Александра II-го. Вся Россія была глубоко потрясена; въ обществѣ на долгое время воцарилось подавленное настроеніе, а вся энергія правительства направилась на охрану существующаго порядка. Людямъ, относившимся сознательно къ общественной жизни, жилось мучительно-тяжело въ эту эпоху общей растерянности и послѣдовавшаго за тѣмъ длиннаго періода оцѣпенѣнія русской общественной жизни. Но положеніе Анны Павловны, какъ передовой общественной дѣятельницы, и притомъ такой горячей и активной, было особенно трагично. „Это было время, пишетъ она, когда трудно было двигаться, говорить и даже думать. Все оцѣпенѣло. Я—болѣе чѣмъ кто либо. Нѣтъ небылицъ, которыя бы про меня не рассказывали даже мои пріятельницы. Чуть ли не я убила Государя. Мое положеніе было очень щекотливое и грустное. Спасибо моему мужу, онъ былъ для меня стѣной, за которую я пряталась. Я не знала, что мнѣ дѣлать, какъ себя держать? Кто могъ, меня лягалъ“...

*) См. „В. Т.“ 1912 г., № 5—6.

Особенно тяжело отозвался на душевномъ состояніи Анны Павловны враждебный отпоръ, который она получила отъ своихъ прежнихъ товарищей по общественной работѣ. Въ комитетахъ тѣхъ обществъ, на процвѣтаніе которыхъ она положила всю свою душу, ее принимали холодно и подозрительно, словно она была въ чемъ-то виновата. Если вспомнить, какъ она привыкла ко всеобщему поклоненію, какимъ вниманіемъ она пользовалась со стороны свѣтскаго общества и всѣхъ, съ кѣмъ ей приходилось сталкиваться, станетъ понятно, какъ ое потрясеніе должна была перенести ея душа, такъ искренно, съ такой беззавѣтной любовью относившаяся къ людямъ, когда между нею и окружающими начала выростать—безъ всякой съ ея стороны вины—цѣлая стѣна недоброжелательства и недовѣрія. „Пробовала я посѣщать комитеты тѣхъ Обществъ, гдѣ я положила всю свою душу, но на меня вездѣ косились, вездѣ принимали холодно; другія птицы—другія пѣсни. Разъ я поѣхала въ домъ дешевыхъ квартиръ, но тамъ со мною обошлись даже грубо и видно было, что имъ неприятно мое посѣщеніе. Такое положеніе продолжалось довольно долго, и я поражалась, какъ я все еще не охладѣла къ людямъ и все еще ихъ люблю и готова на всякую дѣятельность и жертву. Теперь, впрочемъ, всѣ ко мнѣ вернулись и всѣ относятся ко мнѣ хорошо, но легко ли было мнѣ все это пережить. Какъ я не умерла отъ скорби“.

И общественное положеніе ея мужа измѣнилось; военный министръ Милютинъ, дѣятельнымъ сотрудникомъ котораго былъ В. Д. Философовъ, подалъ въ отставку и съ его удаленіемъ могъ остаться не у дѣлъ и мужъ Анны Павловны. Но передъ уходомъ въ отставку, Милютинъ отстоялъ его, и Философова назначили Членомъ Государственнаго Совѣта. Пришлось покинуть роскошную казенную квартиру, гдѣ въ теченіе столькихъ лѣтъ шла кипучая общественная дѣятельность Анны Павловны и гдѣ ей удавалось соединить для общей работы такъ много разнородныхъ элементовъ. Философовы перебрались на Галерную улицу, оставили всѣхъ великосвѣтскихъ знакомыхъ и на время зажили тихой семейной жизнью.

Когда паника, охватившая русское общество, начала ослабѣвать, стала возвращаться и прежняя популярность Анны Павловны. Она испытала глубокую грусть при видѣ несправедливости людей и невѣрности своихъ друзей, но ея сердце не охладѣло и не закрылось, оно было по прежнему открыто для всѣхъ нуждающихся въ участіи, попрежнему свѣтилось оно нѣжной

жалостью ко всѣмъ страдающимъ, а такого рода свѣтъ дѣйствуетъ какъ магнитъ, онъ непреодолимо притягиваетъ къ себѣ.

Въ виду этого, отчужденіе Анны Павловны не могло длиться долго; прошло нѣкоторое время и ея гостиная сдѣлалась снова центромъ, гдѣ могли встрѣчаться самые разнообразныя элементы петербургскаго общества; снова имѣли къ ней свободный доступъ всѣ нуждающіеся, попрежнему уходили они отъ нея согрѣтые и ободренные ея ясной добротой и обаятельной привѣтливостью.

Я не стану перечислять всѣхъ Обществъ и Комитетовъ, въ которыхъ она принимала дѣятельное участіе въ теченіе своей жизни; я не была личной свидѣтельницей ея дѣятельности, но знаю много лицъ, которыя стояли близко къ ней, и изъ ихъ рассказовъ ярко выясняется ея огромный организаторскій талантъ и неустанное стремленіе объединить враждующіе элементы, примирить, найти точку соприкосновенія, вызвать взаимную терпимость и снисходительность.

Когда въ 1891—92 г. для Россіи насталъ тяжелый голодный годъ, и по почину Льва Николаевича Толстого возникла цѣлая сеть столовыхъ въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ, въ Петербургѣ образовались многочисленныя кружки, которые собирали средства для голодающихъ и посылали своихъ представителей для личнаго участія въ распредѣленіи помощи пострадавшимъ.

Анна Павловна еще въ 1874 году положила починъ организованной помощи голодающимъ, когда она, во время самарскаго голода, устроила комитетъ, который собралъ большія суммы для помощи пострадавшимъ. Конечно, и на этотъ разъ Анна Павловна приняла самое горячее участіе въ общественномъ бѣдствіи, а ея постоянное стремленіе къ объединенію всѣхъ общественныхъ силъ сказалося въ томъ, что она задумала соединить всѣхъ завѣдующихъ отдѣльными кружками и ради этого позвала ихъ къ себѣ на импровизованное Общее Собраніе.

На этомъ собраніи встрѣтились и познакомились многіе участники одного и того же дѣла, до этого совсѣмъ незнавшіе другъ друга. Анна Алексѣевна Каменская, завѣдовавшая однимъ изъ кружковъ для доставленія помощи голодающимъ и ставшая позднѣе однимъ изъ ближайшихъ друзей Анны Павловны, рассказываетъ объ этомъ собраніи такъ: „въ большомъ кабинетѣ, обратившемся на время въ огромную кладовую, среди бумагъ, холста, различныхъ кустарныхъ издѣлій, Анна Павловна сидѣла за письменнымъ столомъ и записывала всѣ наши сообщенія и въ

то же время горячо говорила о необходимости дружнаго соединенія всѣхъ работниковъ. Убѣдительно дѣйствовала на всѣхъ ея горячая отрывистая рѣчь, и можетъ быть, не столько слова этой рѣчи, сколько ея цѣльная пламенная убѣжденность и тотъ сильный магнетизмъ нравственной силы, которымъ она такъ непреодолимо вліяла на окружающихъ. Въ началѣ намъ было даже не ясно—*зачѣмъ* намъ всѣмъ надо было собраться у нея, но слушая ея горячій призывъ къ взаимному пониманію и любовному общенію, мы начали вѣрить, что это дѣйствительно необходимо, радовались и смягчались“.

Въ 1895 году возникло Женское взаимно-благотворительное Общество, первый официально признанный женскій союзъ въ Россіи.

Несомнѣнно, что и въ созданіи этого Общества Анна Павловна сыграла большую роль, но она всегда любила оставаться въ тѣни и выдвигать на первыя роли другихъ. Первымъ учрежденіемъ этого Общества была бібліотека, основанная Анной Павловной и поддерживавшаяся на ея средства. Въ настоящее время эта бібліотека владѣетъ 4.000 названій и выписываетъ 183 повр. изданій. Анна Павловна завѣдывала ею 14 лѣтъ и оставила ей всѣ матеріалы по женскому движенію за 50 лѣтъ. Вторымъ учрежденіемъ Общества явился музыкальный кружокъ, затѣмъ—кружокъ помощи дѣтямъ и первый въ Россіи Дѣтскій Очагъ для дѣтей интеллигентныхъ труженицъ; еще позднѣе возникъ художественный кружокъ, а въ 1898 г., по мысли Анны Павловны, было основано первое Общежитіе, цѣль котораго—доставлять за самую скромную плату приличное помѣщеніе и здоровый обѣдъ одинокимъ трудящимся женщинамъ. Это общежитіе было любимымъ дѣтищемъ Анны Павловны; она завѣдывала имъ 13 лѣтъ и только за два года до смерти, въ виду растущей слабости, просила избрать на свое мѣсто другое лицо, но осталась членомъ его Комитета, живо интересовалась всѣми его дѣлами и не далѣе какъ за 10 дней до смерти просила Комитетъ собраться у нея, чтобы сообща обсудить дѣла Общежитія. За время ея завѣдыванія 800 одинокихъ женщинъ имѣли въ немъ пріютъ.

Въ самомъ началѣ существованія Женскаго вз. бл. О-ва, въ немъ образовался расколъ. Одно теченіе стремилось создать интересный клубъ для общенія интеллигентныхъ женщинъ и все свое вниманіе сосредоточило на „рефератномъ отдѣлѣ“ и на „кружкѣ домашнихъ чтеній“, которые имѣли задачей содѣйствовать самообразованію членовъ Общества; другое же теченіе, на-

строенное крайне демократическимъ образомъ, настаивало на томъ, чтобы открыть самый широкій доступъ въ Общество для женщинъ всѣхъ классовъ и профессій и содѣйствовать главнымъ образомъ развитію неимущихъ женщинъ. Конфликтъ между обоими теченіями вышелъ очень острый; началась борьба, и съ обѣихъ сторонъ было проявлено много рѣзкой нетерпимости. Кончилось тѣмъ, что обѣ партіи окончательно разошлись и наиболѣе непримиримыя изъ демократической партіи вышли съ протестомъ изъ Общества. Положеніе Анны Павловны во время этого конфликта было очень тяжелое; можно себѣ представить, какого неослабнаго напряженія требовала роль примирительницы среди такъ сильно разгорѣвшихся страстей, когда люди бываютъ ослѣплены и перестаютъ понимать другъ друга. Всей ея природѣ было ненавистно эгоистическое обособленіе и поэтому она должна была сочувствовать стремленіямъ демократическаго теченія, и я знаю отъ принадлежавшихъ къ этой партіи, какъ горячо она убѣждала ихъ не уходить изъ Общества и не враждовать, а оставаясь вѣрными своимъ убѣжденіямъ, терпѣливо добиваться ихъ торжества. Но всѣ ея уговариванія и просьбы не привели ни къ чему; Анна Павловна страдала, много волновалась и плакала, но сама продолжала оставаться на своемъ посту; составивъ нѣчто въ родѣ центра, въ которомъ могли сгруппироваться болѣе терпимые элементы, она продолжала настойчиво и неутомимо проводить свою объединяющую политику, и только благодаря тому, что въ центрѣ была Анна Павловна, къ нему относились не только безъ недовѣрія и насмѣшекъ, но даже съ уваженіемъ.

Совсѣмъ особую позицію занимала Анна Павловна среди враждующихъ и ссорящихся элементовъ; она всѣмъ говорила правду въ глаза и иногда въ безпощадной формѣ, но рѣшительно никто не обижался на нее, столько доброжелательства и искренности было всегда въ ея отношеніяхъ къ людямъ, какъ бы они не расходились съ ней во взглядахъ. Она была не только терпима къ своимъ противникамъ, она умѣла видѣть въ нихъ всѣ хорошія черты и уважать ихъ; она любила выдвигать это хорошее и радовалась ему, словно они были не противники, а друзья ея. Благодаря этимъ драгоцѣннымъ свойствамъ, Анна Павловна и могла имѣть такое сильное вліяніе во всѣхъ общественныхъ начинаніяхъ, въ которыхъ ей приходилось принимать участіе.

Съ теченіемъ времени и въ Женскомъ Обществѣ все уладилось, и за послѣдніе годы оно настолько выросло во всѣхъ отношеніяхъ, что могло уже служить серьезнымъ проводникомъ.

для прогрессивнаго движенія русскихъ женщинъ. Въ Обществѣ возникло нѣсколько Комиссій, которыя разрабатывали важные для женщинъ вопросы—о „правовомъ положеніи женщины“, объ „условіяхъ женскаго труда“, о „допущеніи женщинъ въ Университеты“, объ „участіи женщинъ въ Законодательномъ Собраніи“. По инициативѣ этихъ Комиссій Совѣтъ Женскаго Общества не разъ выступалъ съ различными заявленіями и ходатайствами, изъ которыхъ самымъ значительнымъ была петиція въ 1-ую Государств. Думу, покрытая пятью тысячами подписей и послужившая поводомъ для возбужденія—на засѣданіи Гос. Думы 5-го іюня 1906 г.—депутатомъ, профессоромъ Петражицкимъ, вопроса о правахъ женщинъ.

Позднѣе, когда начала дѣйствовать II-ая Гос. Дума, Женское Общество снова обратилось въ Законодательное Собраніе съ заявленіемъ, выраженнымъ на этотъ разъ въ такихъ словахъ:

„Объединенныя одной идеей равноправія женщинъ, однимъ стремленіемъ достигнуть справедливости по отношенію къ половинѣ населенія Россіи,—женскія общества, организаціи, партіи и отдѣльныя лица обращаются съ коллективнымъ заявленіемъ во II-ую Государственную Думу о необходимости поставить вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ на разсмотрѣніе Законодательнаго Собранія. Русскія женщины увѣрены, что вопросъ о полученіи ими гражданскихъ и политическихъ правъ будетъ рѣшенъ Государственной Думой въ утвердительномъ смыслѣ“.

Къ этому заявленію Женскаго взаимно-благотворительнаго Общества присоединилось двадцать другихъ женскихъ Обществъ, а число подписей подъ заявленіемъ равнялось 7.000, что съ прежними подписями, доставленными въ Думу за годъ передъ тѣмъ, составило уже 12.000 подписей.

И на этотъ разъ Анна Павловна стояла во главѣ движенія; она была избрана вмѣстѣ съ А. Н. Шабановой въ качествѣ депутатки отъ Женскаго Общества для переговоровъ съ предсѣдателемъ II-ой Госуд. Думы Головинымъ, отъ котораго онѣ и получили 3-го мая 1907 года разрѣшеніе, направить женскую петицію на его имя въ Госуд. Думу.

Въ томъ же году, въ осеннемъ засѣданіи Совѣта Женскаго Общества, было сдѣлано постановленіе о созывѣ *Всероссійскаго Женскаго Съезда*, что являлось уже серьезнымъ шагомъ къ осуществленію завѣтной мечты Анны Павловны—объединить всѣхъ женщинъ, желающихъ трудиться на общую пользу. Въ самомъ началѣ своей общественной дѣятельности, полвѣка назадъ, она

старалась объединить петербургскихъ общественныхъ дѣятельницъ, позднѣе она мечтала объ объединеніи всѣхъ русскихъ женщинъ, и мечта эта осуществилась въ 1908 году на „Всероссійскомъ Женскомъ Съѣздѣ“. Но она не останавливалась на этомъ; ея завѣтной мыслью въ послѣдніе годы жизни была организація *Національнаго женскаго Совѣта*, цѣлью котораго было приобщеніе русскихъ женщинъ къ *Международному женскому Союзу*.

Съ этой цѣлью А. П. вошла съ 1899 года въ западно-европейскія женскія организаціи и лично участвовала на двухъ женскихъ Конгрессахъ, желая связать русское женское движеніе съ всемірнымъ движеніемъ.

Такъ, неумоимо и послѣдовательно, постоянно расширяя поле своего дѣйствія, никогда не отступая и не складывая оружія, работала Анна Павловна до конца своей земной жизни въ пользу объединенія русскихъ женщинъ на свѣтломъ пути безкорыстнаго служенія людямъ.

XI.

Чествованіе 40-лѣтней общественной дѣятельности Анны Павловны.

22-го апрѣля 1911 г. торжественное и многолюдное собраніе, собравшееся въ залахъ петербургскаго Женскаго Общества, чтобы отпраздновать сорокалѣтнюю дѣятельность Анны Павловны Филосовоной, было настоящимъ праздникомъ духа; собравшіеся переживали тѣ рѣдкія минуты внутренняго единенія, когда падаютъ всѣ эгоистическія преграды и когда самые различные по характеру и направленію люди соединяются въ единомышленномъ порывѣ, чтобы преклониться предъ тѣмъ, что всѣ они признаютъ достойнымъ поклоненія. Въ такія минуты сознаніе становится дѣйствительно сверхличнымъ: оно поднимается въ тѣ невидимыя области духа, откуда исходятъ всѣ прекрасныя возможности челоуѣческой души, все, что заставляетъ челоуѣка стремиться къ добру и любить красоту, вѣрить въ нея, всюду искать ее и ожидать ея конечнаго торжества, вопреки всѣмъ видимостямъ. Смягченныя лица, блестящіе глаза, слезы умиленія, взволнованныя рѣчи,— все это ясно говорило, что переживается нѣчто *очень* глубокое и свѣтлое; это свѣтлое чувствовалось всѣми и незримо спаяло всѣхъ въ общемъ порывѣ любви къ лучшимъ завѣтамъ нашего общественнаго сознанія, къ его наиболѣе высокимъ идеаламъ. Анна Павловна была какъ бы прекраснымъ символомъ этихъ идеаловъ, завѣщанныхъ намъ свѣтлымъ десятилѣтіемъ историческаго пробужденія русскаго

народа. Любовь къ просвѣщенію, свобода духа, безпрепятственное развитіе человѣческой личности, стремленіе внести гуманныя и справедливыя начала въ общественный строй,—вотъ тѣ завѣты, которые любовно соединили всѣхъ, собравшихся 22 апрѣля на праздникъ одной изъ лучшихъ представительницъ 60-хъ годовъ. Анна Павловна такъ это и принимала, она считала, что въ ея лицѣ чувствуется дорогая для нея эпоха. Весь выраженный ей энтузіазмъ былъ для нея дорогъ, какъ ярко сказавшаяся дань общественнаго уваженія къ тому, что для нея было самага дорогого въ жизни.

Чествованіе началось въ 2 часа. Когда Анна Павловна взошла, ее встрѣтило столько живыхъ цвѣтовъ, столько восторженныхъ аплодисментовъ, что она заплакала отъ волненія. Болѣе двухъ часовъ длилось чтеніе адресовъ отъ различныхъ просвѣдительныхъ и благотворительныхъ обществъ *). Я не стану приводить здѣсь всѣхъ адресовъ, но нѣкоторые изъ нихъ такъ ярко обрисовываютъ личный характеръ Анны Павловны и отношеніе къ ней общества, что хочется дать для читателей, не бывшихъ на юбилеѣ, хотя бы нѣсколько выдержекъ.

„Сегодня“, такъ началъ профессоръ Стебуть, подносившій адресъ отъ *Женскихъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ*, „необыкновенный юбилей, знаменательное событіе! Русское общество чествуетъ не военнаго героя, не служебнаго дѣятеля, не великаго

*) Вотъ названія тѣхъ обществъ, которыя прислали на юбилей своихъ депутатовъ и въ которыхъ Анна Павловна принимала такъ или иначе дѣятельное участіе: Комиссія по народному образованію (П. А. Потѣхинъ).—О-во дешевыхъ квартиръ (Баранова).—О-во распространенія просвѣщенія среди евреевъ (баронъ Гинцбургъ).—О-во вспомошествованія педагогическимъ и медицинскимъ курсамъ.—Высшіе женскіе курсы (Раевъ).—О-во для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ.—О-во попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ (Калачева).—Первый дамскій художественный кружокъ.—Об-во взаимной помощи женщинъ-врачей.—О-во вспоможенія окончившимъ высшіе женскіе курсы (Въжвеницкая).—О-во дѣтская помощь (П. С. Стасова).—О-во усиленія средствъ женскому медицинскому институту (П. Тарновская).—О-во попеченія о молодыхъ дѣвушкахъ.—Отъ Дома Трудолюбія для образованныхъ женщинъ (Померанцева).—О-во доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ (В. П. Тарновская).—О-во содѣйствія сельско-хозяйственному образованію женщинъ (проф. Стебуть)—О-во охраненія здоровья женщины (Волкова).—О-во защиты женщинъ (В. Дерюжинскій).—О-во защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія (Гарднеръ).—О-во бѣдныхъ женщинъ.—О-во для пособія бѣднымъ женщинамъ.—Общежитіе для слушательницъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ.—О-во улучшенія быта питомцевъ воспитательнаго дома. Женское взаимно-благотворительное О-во.—Отъ Литературнаго фонда (Карѣвъ).—Отъ друзей и почитателей (В. В. Стасовъ).

ученаго, артиста или писателя, оно чувствуетъ въ лицѣ Вашемъ— просто *человѣка* въ высококомъ значеніи этого слова, *человѣка*— носителя идеи добра, любви и просвѣщенія“...

Очертивъ многостороннюю общественную дѣятельность Анны Павловны, г-жа Тарновская, выступившая отъ *Женскаго медицинскаго института*, характеризуетъ отношеніе ея къ общественному дѣлу такъ: „Много приходилось переживать Вамъ за это время волненій, дорогая Анна Павловна, такъ какъ на почвѣ Вашей разносторонней гуманитарной дѣятельности не все шло гладко и плавно; напротивъ, встрѣчалось множество препятствій, препонъ и огорченій. Но Вы все это преодолевали, не теряя Вашей бодрости духа и необычайной энергіи. Въстѣ съ тѣмъ Вы никогда не отрѣшались отъ одного рѣдкаго индивидуальнаго качества, Вамъ присущаго—Вашей сердечной доброты и ясной привѣтливости, согрѣвающей и ободряющей несчетное число лицъ, которыя обращаются къ Вамъ со всевозможными невзгодами и жизненными затрудненіями и всегда уходятъ отъ Васъ утѣшенными и примиренными. Вы вносили частичку любви въ каждое дѣло, начинаемое Вами, и предавались ему беззавѣтно, всею душою,—и вслѣдствіе этого дѣятельность Ваша всегда увѣнчивалась успѣхомъ. Любовь къ *человѣчеству* воодушевляла всю Вашу жизнь. Вы не только благотворили по принципу, но *Вы любили тѣхъ, кому помогали*. Съ другой стороны, энергія, искренность и горячность, съ которой Вы шли къ намѣченной цѣли, сообщались другимъ, убѣждали ихъ и не разъ удавалось Вамъ обращать Вашихъ противниковъ—въ борниковъ проводимыхъ Вами начинаній“... Отъ другого просвѣтительнаго женскаго О-ва адресъ начинается такими словами: „Горячо любимая и дорогая Анна Павловна. Сегодняшнее торжественное чествованіе Вашей 40-лѣтней общественной дѣятельности—огромный праздникъ для всѣхъ русскихъ женщинъ. Онъ показываетъ намъ чего можетъ достигнуть женщина при сознаніи святости предпріятого ею труда, при безусловной горячей вѣрѣ въ торжество справедливости и добра, при сердечной отзывчивости ко всему хорошему, при беззавѣтной любви и преданности дѣлу, при безкорыстномъ и самоотверженномъ служеніи ему. Всѣ эти качества проявили Вы, дорогая Анна Павловна, въ теченіе Вашего многолѣтняго плодотворнаго служенія дѣлу русскаго просвѣщенія...“.

Отъ О-ва *Защиты Женщинъ* адресъ начинается цитатой изъ Некрасова, которая говоритъ, что есть „другая, тѣсная, дорога честная. По ней идутъ лишь души сильныя, любвеобильныя, на бой и трудъ за обойденнаго, за угнетеннаго! Умножь ихъ кругъ!...“.

Смысль всѣхъ адресовъ сводится къ тому, что на длинномъ и трудномъ пути, на которомъ Анна Павловна служила великой задачѣ „совершенствованія жизни и людей“, она провела его отъ начала и до конца на передовомъ посту борцовъ за лучшія стремленія русскихъ женщинъ, подвергая себя всѣмъ стрѣламъ и враждебнымъ нападкамъ со стороны враговъ этихъ стремленій. Далѣе, всѣ адреса сходятся въ томъ, что за всю ея долгую жизнь не было ни одного явленія въ русской общественной жизни, ни одного случая горя и нужды, который не находилъ бы отзвука въ ея чуткомъ сердцѣ. Всюду „внося неустанный трудъ, энергію и безконечную доброту, Анна Павловна торопилась — не щадя себя — съ юношескимъ рвеніемъ, съ беззавѣтной любовью къ ближнему, дѣлать добро“.

Также единодушно отмѣчается ея неутомимое стремленіе соединить и примирить разнохарактерныхъ представителей русскаго общества, уничтожить ихъ обособленіе, влить въ нихъ свою несокрушимую вѣру въ цѣнность каждой человѣческой души и въ неизбѣжность лучшаго будущаго.

Среди всей партійной вражды, которая окружала ее, среди всеобщей односторонности и нетерпимости, она не переставала призывать всѣхъ къ единенію, она сдѣлала девизомъ всей своей дѣятельности: „Сила въ любви и въ единеніи“ и сама проводила этотъ завѣтъ во всей его чистотѣ.

Сходились также всѣ и въ томъ, что блестящій успѣхъ, котораго достигали всѣ ея общественныя начинанія, зависѣлъ главнымъ образомъ отъ того, что она вносила беззавѣтную любовь въ каждое свое дѣло и помогала людямъ не только по принципу, но и потому, что жалѣла и любила ихъ.

Г-жа Стасова, выступившая отъ об-ва *Дѣтская Помощь*, охарактеризовала эту чудную способность ея любящаго сердца въ такихъ задушевныхъ словахъ: „Русскій народъ—своеобразный и мѣткій въ своихъ рѣчахъ—когда обращается къ дорогому любимому человѣку, называетъ его: „красное солнышко“; въ этихъ двухъ словахъ и вся нѣжность чувства говорящаго, и вся привлекательность того, къ кому они обращены. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше солнышка? Всегда оно ласкаетъ, грѣетъ, живить. Такимъ солнышкомъ всегда и вездѣ были Вы, наша дорогая, наша милая Анна Павловна. Нѣтъ такого начинанія русскихъ женщинъ, гдѣ бы Вы не явились, чтобы создать, устроить, вдохновить, одушевить, всюду внести свою любовь, участіе, животворящую силу“. Подтверженіемъ этой характеристики явилось

и горячее заявленіе барона Гинцбурга, отъ лица об-ва *Распространенія Просвѣщенія между евреями въ Россіи*: „и мы, прочель онъ, дѣти пріютившагося въ тѣни русской державы племени, проникнуты благоговѣніемъ къ Вамъ. Вы сумѣли сочетать въ себѣ высокіе замыслы просвѣщенія женщинъ съ материнскою заботливостью о бѣдныхъ, и широкіе взгляды на общественную жизнь съ трогательной любовью ко всякому страждущему существу. На поднятѣмъ Вами знамени красуется слово: „Знаніе“, а въ Вашемъ сердцѣ запечатлѣлось слово: „Человѣчность“. За все, что Вы, не щадя силъ въ борьбѣ съ предрасудками, сдѣлали на пользу нашихъ сестеръ и дочерей, мы приносимъ Вамъ нашу душевную признательность и не мы одни въ Россіи будемъ благословлять Ваше имя“.

Чтобы дать еще болѣе ясное представленіе читателю въ какихъ обаятельныхъ чертахъ отразился душевный обликъ Анны Павловны въ сознаниі ея современниковъ, приведу—съ небольшими сокращеніями—рѣчь тонкаго знатока человѣческой души А. Ф. Кони: „Всякое общественное начинаніе, говоритъ онъ, требуетъ для своего успѣха нравственныхъ характеровъ, соединяющихъ въ себѣ—*идею* и желаніе провести ее въ жизнь, и—*закаль*, т. е. умѣніе отстаивать ее среди противорѣчивыхъ чувствъ и взглядовъ. Чѣмъ менѣе богата ими страна въ ту или другую эпоху, тѣмъ съ большимъ уваженіемъ приходится думать о тѣхъ, кто умѣлъ выработать и неуклонно проявить такой характеръ среди измѣнчивыхъ общественныхъ теченій. Вы это сдѣлали. . . . Вы сорокъ лѣтъ вкладывали душу въ преслѣдованіе дорогихъ Вамъ цѣлей и донинѣ сердце Ваше, сталкиваясь съ нуждою, горемъ, несчастьемъ и выстраданными потребностями—сыплеть свои искры, какъ камень, свѣтя ими окружающимъ и грѣя ихъ. Исторія женскаго дѣла въ Россіи уже занесла на свои страницы Вашъ починъ и живое, исполненное настоящей энергіи участіе въ созданіи и устройствѣ разныхъ просвѣтительныхъ обществъ, а будущій историкъ русской общественной жизни соберетъ разбросанныя по разнымъ уголкамъ столицы воспоминанія безвѣстныхъ людей о томъ, какъ тепло и просто, какъ быстро и безшумно умѣли Вы приходить на помощь страданію ближнихъ со словомъ утѣшенія, съ матеріальнымъ пособіемъ, съ деликатнымъ уваженіемъ къ гонимой судьбою человѣческой личности; онъ нарисуетъ Васъ—молодую и изящную, спасающей погибающихъ въ развратѣ несчастныхъ сестеръ по человѣчеству; онъ вспомнитъ, быть можетъ, слова трогательнаго московскаго человѣколюбца, доктора Гааза, о томъ, что „самый вѣрный путь къ счастью—не

въ желаніи быть счастливымъ, а въ томъ, чтобы дѣлать другихъ счастливыми, внимая ихъ нуждамъ, заботясь о нихъ, помогая имъ совѣтомъ и дѣломъ, не боясь труда и любя ихъ“, и скажетъ онъ, что *Вы* заработали себѣ право испытать это рѣдкое, это завидное счастье. . . Онъ разскажетъ, наконецъ, сколько тревогъ, сколько разочарованій, непониманія, и разныхъ терній встрѣтили *Вы* въ жизни и какъ увидѣли осуществленіе тѣхъ надеждъ, которыя окрыляли Васъ вдумчивой радостью на Вашемъ трудномъ и необычномъ пути. На тяжелыя минуты, пережитыя Вами за эти сорокъ лѣтъ, *Вы* можете взирать спокойно; безъ такихъ терній вѣнокъ общественнаго уваженія, заслуженный Вами, имѣлъ бы менѣе нравственнаго вѣса. Позвольте же намъ, Вашимъ почитателямъ, вплести въ него въ нынѣшній знаменательный день нѣсколько и нашихъ листковъ, поздравляя Васъ съ тѣмъ сознаниемъ исполненнаго передъ обществомъ долга, съ которымъ *Вы* можете смотрѣть на долги, пройденные Вами въ неустанной службѣ ему года, и благодаря Васъ за то, что мы съ справедливой гордостью можемъ сказать „нашею современницей была Анна Павловна Философова“.

По окончаніи рѣчей было прочитано нѣсколько телеграммъ и писемъ изъ присланныхъ во множествѣ со всѣхъ концовъ Россіи привѣтствій. Но не въ одной только Россіи былъ отмѣченъ и вызвалъ сочувственный откликъ этотъ свѣтлый юбилей. Американскія женщины прислали своего делегата для личнаго участія на немъ, и, судя по имѣющейся у меня статьи изъ японской газеты, личность Анны Павловны вызвала даже въ Японіи интересъ къ себѣ; вотъ любопытная выдержка изъ этой статьи: „Русскія женщины идутъ сомкнутымъ строемъ подъ звуки величественной музыки, побудившей женщинъ встать въ наше время въ ряды борцовъ, пытающихся вести старый міръ къ осуществленію высшихъ стремленій человѣчества. У cadaго движенія долженъ быть свой вождь и когда наступаетъ надлежащій моментъ, какой то внутренней голосъ говоритъ: „ты будешь этимъ вождемъ“ или „тебѣ быть этой руководительницей“, и вотъ -- движеніе готово. Сорокъ лѣтъ тому назадъ г-жа Философова изъ С.-Петербурга вняла такому голосу и пошла впереди подобнаго движенія своихъ соотечественницъ“.

Очевидцы, бывшіе на этомъ „праздникѣ русской женщины“ разсказываютъ, что Анна Павлова выслушивала обращенія къ ней рѣчи со слезами умиленія и съ любовью благодарила каждую депутацію. Зная ее хорошо, я глубоко увѣрена, что она радова-

лась не личной радостью и думала меньше всего о своих собственных заслугах, а радовало ее то, что ее завѣтные идеалы нашли себѣ такое горячее признаніе, что окружающіе ее люди проявляются съ такимъ прекраснымъ единодушіемъ. Это и сказало въ ея отвѣтной рѣчи; въ ней она перенесла всю заслугу выпавшаго на ея долю торжества, „на хорошіе, свѣтлые шестидесятые годы“, заявивъ съ обычной своей скромностью, что ея заслуга ограничивается только тѣмъ, что она начала дѣйствовать въ этотъ свѣтлый періодъ русской жизни.

XII.

Участіе Анны Павловны въ теософическомъ движеніи.—Мое знакомство съ ней.

Въ 1902 году Анна Павловна встрѣтилась съ представительницей русскаго теософическаго движенія, А. А. Каменской, и изъ бесѣды съ ней выяснилось, что для Анны Павловны была уже не чужда теософія, что она познакомилась съ этимъ духовнымъ теченіемъ за границей и нашла въ немъ не только полное выраженіе своимъ самымъ завѣтнымъ убѣжденіямъ, но и ясное обоснованіе для того дѣятельнаго идеализма, которымъ была проникнута вся ея собственная жизнь.

То, что умное сердце Анны Павловны подсказывало ей съ самаго начала ея сознательной дѣятельности: *единство жизни, абсолютная цѣнность человеческой души, необходимость единенія и широкой терпимости, проведеніе взаимопомощи и братства, какъ основъ общественной этики*, все это она нашла въ ученіяхъ теософіи, облеченное въ стройную систему, одинаково удовлетворяющую и запросамъ разума, и повелительнымъ требованіямъ сердца. Для такой цѣльной души, какъ ея душа, величайшее значеніе имѣлъ тотъ фактъ, что ученія теософіи устраняють весь тотъ душевный расколъ, который такъ мучительно раздваивалъ сознаніе нашего вѣка, ставя передъ нимъ постоянныя противорѣчія между выводами научнаго мышленія и нравственными требованіями развитой совѣсти.

Узнавъ отъ А. А. Каменской, что въ Петербургѣ уже возникъ небольшой кружокъ, въ которомъ собираются заинтересованные теософіей, Анна Павловна пожелала вступить въ первый русскій теософическій кружокъ, названный именемъ Маріи Штраухъ *), и съ

*) Кружокъ носитъ это имя въ память его устроительницы, умершей вскорѣ послѣ того, какъ члены кружка начали собираться.

тѣхъ поръ до послѣдняго дня своей жизни она не переставала принимать горячее участіе въ дѣлѣ русскаго теософическаго движенія. Въ самомъ началѣ она помогла движенію тѣмъ, что открыла для его піонеровъ свой салонъ и дала имъ возможность посредствомъ рефератовъ и бесѣдъ знакомить представителей русскаго общества съ совершенно новыми для него идеями теософіи. На эти чтенія Анна Павловна приглашала изъ круга своихъ многочисленныхъ знакомыхъ тѣхъ, которыхъ считала способными заинтересоваться теософическими ученіями; на одномъ изъ такихъ вечеровъ пришлось и мнѣ прочитатъ одну изъ моихъ теософическихъ работъ и, здѣсь, я впервые увидѣла, какъ Анна Павловна осуществляетъ свою объединяющую роль.

Удивительно многосторонняя была ея натура: страстная, искренняя, способная очень рѣзко выражать свое негодованіе, отрывистая въ своей рѣчи, она въ то же время умѣла съ такимъ глубокимъ вниманіемъ относиться къ чужому мнѣнію и съ такимъ уваженіемъ оберегать свободу мысли своихъ гостей, что въ ея домѣ всѣмъ было легко и свободно, и всѣ невольно заражались ея широкой терпимостью. А между тѣмъ общество, которое я застала у нея, было самое разнохарактерное, и состояло оно изъ людей, которымъ иначе вѣроятно и не пришлось бы соприкоснуться лично. На одномъ изъ такихъ вечеровъ было нѣсколько русскихъ писателей, въ томъ числѣ г-нъ Мережковскій, который сильно негодовалъ на теософію за двѣ вещи: за то, что она не признаетъ воскресенія физическаго тѣла и за то, что устраняетъ изъ обращенія чорта.

Отношеніе Анны Павловны къ молодому Теософическому Обществу раскрыло для меня тайну ея огромной нравственной силы, которую признавали всѣ, несмотря на то, что всѣ ея пріемы совершенно противорѣчили нашему представленію о вождѣ, о признанномъ авторитетѣ, соединяющемъ въ себѣ почти всегда самообладаніе, сознаніе своей силы, контроль надъ собой и надъ своими порывами. Ничего подобнаго не было въ обаятельномъ обликѣ Анны Павловны: вся ея натура, нѣжная и впечатлительная, всегда непосредственная, „наивная“, какъ про нее выражались нерѣдко, безпрестанно вспыхивала то негодованіемъ при видѣ насилія и грубости, то свѣтилась радостью при малѣйшемъ добромъ проявленіи окружающихъ; она безудержно расходовала свои силы, которыя были дѣйствительно неистощимы, потому что источникъ ихъ — чистая любовь безъ примѣси эгоизма — не уменьшается, а прибываетъ все сильнѣе, чѣмъ болѣе ее расходуешь. Изъ этого источника шла ея нравственная сила и поэтому она

могла служить дѣлу, какъ никто. Она дѣйствительно умѣла забывать себя, ставить дѣло впереди всего, умѣла гасить свою личность до того, что собственное ея здоровье, настроеніе, симпатіи, самолюбіе, личное мнѣніе, все это для нея не существовало, когда вопросъ шелъ объ общественномъ служеніи. Не было ни одного начинанія въ молодомъ Теософическомъ Обществѣ, не проходило ни одного тяжелаго испытанія — а ихъ, несмотря на короткую жизнь Общества, было уже очень и очень достаточно, — въ которыхъ Анна Павловна не участвовала бы всей душой, принимая всѣ его успѣхи и всѣ неудачи до того близко къ сердцу, что теософы, оберегая ее, старались иногда скрывать свои тяжелыя переживанія, за что она каждый разъ негодовала и требовала, чтобы они *все* дѣлили съ ней. Когда въ 1906 году состоялся въ Парижѣ международный теософическій конгрессъ, Анна Павловна отправилась за границу, чтобы лично участвовать на немъ, прослушала послѣ конгресса серію лекцій д-ра Штейнера о „Космогенезисѣ“, вызвавшую въ ней глубокой интересъ и большой духовный подъемъ; но она все же не упускала изъ виду главной задачи своей жизни — служить объединенію людей. Она приглашала къ себѣ представителей различныхъ міросозерцаній чтобы познакомить ихъ между собой; здѣсь же, въ ея временной гостиной, впервые встрѣтились и представители тогда еще не организованныхъ, разбросанныхъ по всей Россіи теософическихъ кружковъ.

Когда въ 1908 году Теософическое Общество было легализовано, Анну Павловну избрали его вице-предсѣдательницей и это совпало съ тѣмъ временемъ, когда возрастающій упадокъ силъ заставилъ ее сократить свое участіе во многихъ обществахъ; но собранія Т. О-ва она такъ любила, что не разъ говорила: „въ *вашемъ* совѣтѣ я останусь до конца жизни“. Интересы Т. О-ва она поддерживала всѣми доступными для нея средствами; старалась участвовать во всѣхъ работахъ Общества и на ряду съ другими его членами составляла рефераты на теософическія темы; одинъ ея рефератъ былъ по вопросу о перевоплощеніи, другой — о сектахъ, въ которыхъ уже намѣчаются теософическіе идеалы. Кромѣ того, она написала для Вѣстника Теософіи, статью, посвященную памяти княжны М. М. Дондуковой-Корсаковой, напечатанную въ апрѣлѣ 1910 г. Когда же, А. А. Каменская задумала издавать теософическій журналъ, она предложила быть его издателемъ. Въ этомъ не оказалось необходимости, но всѣ, стоявшіе близко къ дѣлу, всегда чувствовали, какого надежнаго друга они имѣли въ ней и какъ чутка была ея готовность придти на помощь всѣмъ нуждамъ О-ва.

* * *

Въ 1905 году состоялся съѣздъ русскихъ спиритуалистовъ въ Москвѣ. Анна Павловна, придававшая такое огромное значеніе уничтоженію всякихъ раздѣляющихъ перегородокъ и объединенію людей, очень желала, чтобы теософія была представлена на этомъ съѣздѣ, и когда оказалось что никто изъ петербургскихъ теософовъ не сможетъ поѣхать въ Москву, она сама отправилась на съѣздъ, какъ представительница теософическаго теченія. Я также была на этомъ съѣздѣ и мнѣ посчастливилось провести два или три дня въ тѣсномъ общеніи съ Анной Павловной. Она пригласила въ свой случайный салонъ, въ одной изъ московскихъ гостинницъ, тѣхъ изъ участниковъ съѣзда, которые выразили интересъ къ теософіи, а меня просила прочитать нѣсколько лекцій д-ра Штейнера, которыя я только что передъ тѣмъ слушала въ Берлинѣ.

За эти дни я близко сошлась съ А. П. и узнала ее со стороны, которая менѣе всего извѣстна постороннимъ людямъ. Я говорю о ея жаднѣ знанія, о ея пылкой воспримчивости къ новымъ идеямъ, о ея внутренней раскрытости для всего, что способно расширить умственный кругозоръ. Ея долгая жизнь была такъ переполнена заботой о другихъ и думой объ общественныхъ задачахъ, что ей некогда было останавливаться на своихъ личныхъ духовныхъ потребностяхъ. Но когда ей выпадалъ случай соприкоснуться съ большими духовными горизонтами и широко-обобщающими идеями, она проявляла такую горячую воспримчивость и наслаждалась такъ сильно, словно ей было не 70, а 20 лѣтъ.

Послѣ московскаго съѣзда мы видѣлись каждую зиму, и она радовалась всей душой, когда я ей передавала пріобрѣтенныя за время разлуки теософическія знанія; виновато оправдываясь, что „можно же и мнѣ позволить себѣ праздникъ“, она прекращала на время моихъ посѣщеній свой обычный пріемъ, дѣлая исключеніе только для Викт. Петр. Протейкинскаго (ея двоюродный братъ, который по духу стоялъ къ ней ближе всѣхъ), и мы проводили чудные часы, во время которыхъ передо мной раскрывалось не мало новыхъ, иногда неожиданныхъ сторонъ ея прекраснаго внутренняго міра. Такъ, на примѣръ, глядя на ея неизмѣнное любвеобильное отношеніе ко всѣмъ, можно бы подумать, что она слабо разбирается въ людяхъ и смотритъ на нихъ сквозь розовые очки; на дѣлѣ же она видѣла людей насквозь и прекрасно различала всѣ ихъ отрицательныя стороны; но она умѣла набрасывать на нихъ покровъ великодушнаго прощенія ради тѣхъ хорошихъ про-

явленій, которыя ей удавалось вызывать во всѣхъ; въ ея присутствіи была какая-то магическая сила, раскрывавшая въ людяхъ самые сокровенные ростки добра. Мнѣ самой приходилось слышать, какъ ее называли наивной, черезчуръ довѣрчивой, идеализирующей людей, и мало кто подозрѣвалъ, сколько скрытой мудрости таилось за ея очаровательной лаской. Она оставалась вездѣ и всегда самобытной, всегда была наполнена до краевъ, если можно такъ выразиться, послѣдними общественными переживаніями, всегда ея сердце горѣло и болѣло за кого нибудь, и на наши теософическія собранія она нерѣдко вносила маленькія бурныя неожиданности; такъ одинъ разъ, подѣзжая къ дверямъ О-ва, она увидѣла, какъ на улицѣ кто-то билъ мальчика; собраніе должно было приостановиться, пока Анна Павловна съ помощью швейцара наводила слѣдствіе, пока она разносила бьющаго и спрашивала мальчика; покончивъ съ этимъ, она вошла сильно сконфуженная, просила прощенія и на другое утро прислала А. А. Каменской письмо, въ которомъ выражала опасеніе, что еще не достаточно владѣетъ собой для такихъ собраній, какъ теософическія, что ее слѣдуетъ исключить какъ „недостойную“, и это были вовсе не фразы съ ея стороны. Мнѣ приходилось много разъ убѣждаться, до чего она мало думала о себѣ и какъ ее тяготили всякія проявленія почета, когда они выпадали на ея долю. Помню одну сцену два года назадъ, когда къ Аннѣ Павловнѣ при мнѣ пріѣхала депутація отъ Женскаго О-ва, чтобы уговорить ее согласиться на празднованіе ея 50-тилѣтняго юбилея. Помню съ какимъ страдальческимъ лицомъ и въ то же время съ какой энергіей она протестовала: „Развѣ вы не знаете, какъ я ненавижу всякія чествованія! Зачѣмъ же вы на старости лѣтъ хотите доставить мнѣ еще одно мученіе?.. Я и безъ того до смерти надоѣла себѣ, а тутъ еще слушай всѣ эти незаслуженныя похвалы... Точно я не знаю, что все это оттого, что я пережила всѣхъ дѣятелей своей эпохи, вотъ и приходится чужими руками жаръ загребать! Нѣтъ, ради Бога, оставьте вы меня въ покоѣ!.. какъ вамъ не жаль меня?“... Она говорила съ волненіемъ, со слезами на глазахъ, а подъ конецъ даже съ обидой, и ясно было, что такъ говорить могъ только человѣкъ, поднявшійся надъ всякимъ личнымъ честолюбіемъ и дѣйствительно не придающій себѣ никакого значенія.

Позднѣе я узнала, что юбилей все же состоялся; когда вопросъ былъ поставленъ такъ, что чествовать будутъ въ сущности не ее, а тѣ свѣтлые идеалы, которымъ она служила всю жизнь, тогда Анна Павловна сдалась, но близкіе люди знаютъ *чего* ей это стоило!

Среди ея писемъ ко мнѣ есть одно, которое служить отвѣтомъ на мое описаніе празднованія дня „Бѣлаго Лотоса“ въ калужскомъ Отдѣлѣ Теос. О-ва. Я воспользовалась этимъ днемъ, который празднуется теософами всѣхъ частей свѣта въ одинъ и тотъ же день, чтобы познакомить членовъ Отдѣла съ личностью вице-предсѣдательницы Р. Т. О-ва; я помѣстила убранный цвѣтами портретъ Анны Павловны рядомъ съ портретомъ основательницы Теософическаго Об-ва и посвятила часть вечера докладу о ея жизни, дѣятельности и нравственномъ обликѣ. Въ отвѣтъ на мое сообщеніе объ этомъ, она отвѣчаетъ мнѣ письмомъ, которое начинается такъ: „23 мая 1911 г. Дорогая и горячо любимая Елена Федоровна, ваше письмо меня очень тронуло, но отчасти огорчило. Надо же дать такую карму такому существу, которое врагъ всякихъ овацій и пр. Такъ хотѣлось бы куда нибудь зарыться въ лѣсъ, чтобы имѣть возможность сосредоточиться и пожить душой! вмѣсто этого вѣчная сутолока, вѣчная вывѣска, со мною носятся какъ съ „писаной торбой“ только потому, что пережила моихъ сверстницъ и дѣятельницъ, которыя за меня работали, а я ихъ руками „жаръ загреваю“! Это очень тяжело! *Вы* мнѣ повѣрите, а другіе и вѣрить не хотятъ“!...

На нашихъ теософическихъ собраніяхъ нерѣдко прорывалась вся оригинальность импульсивной и пламенной натуры Анны Павловны, и она реагировала на все совершавшееся съ такой непосредственностью и глубокой искренностью, что это одно производило сильнѣйшее впечатлѣніе и настраивало на тонъ ея душевнаго переживанія. Помню, какъ послѣ признанія представителя польскихъ теософовъ о непреодолимыхъ трудностяхъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, теософической работы въ Польшѣ, о томъ одиночествѣ и тѣхъ нравственныхъ испытаніяхъ, которыя выпадаютъ на долю польскихъ теософовъ,—всѣми присутствующими овладѣло тягостное чувство, какъ бы сковавшее всѣхъ въ тягеломъ молчаніи, пока Анна Павловна не встала и, шелестя своимъ шелковымъ шлейфомъ, прошла черезъ всю комнату, вся взволнованная, вся горя нѣжнымъ сочувствіемъ къ говорившему, взяла объ его руки въ свои, со слезами на глазахъ крѣпко пожалала ихъ и, не говоря ни слова, вернулась на свое мѣсто. Невидимая преграда была разбита, волна общаго сочувствія прорвала тягостное молчаніе и всѣ присутствующіе почувствовали себя какъ одна душа.—Вспоминаю еще одну замѣчательную бесѣду въ одномъ изъ теософическихъ кружковъ на тему: какъ обозначить границу милосердія, и не переходитъ ли оно въ недостатокъ, если отъ

его избытка страдают присные милосерднаго челоуѣка? Вопросъ былъ поставленъ нѣмецкой группой и одинъ изъ присутствующихъ привелъ въ примѣръ своихъ дѣдушку и бабушку, изъ которыхъ первый былъ весьма домовитый отецъ семейства и заранѣе готовилъ приданое своимъ многочисленнымъ дочерямъ, привозя изъ своихъ частыхъ дѣловыхъ поѣздокъ то свертки полотна, то куски различныхъ матерій, и требуя, чтобы бабушка берегла ихъ въ отдѣльныхъ сундукахъ. Но бабушка была до того добра и жалостлива, что не могла видѣть чужихъ бѣдствій и выходило такъ, что бѣдныя невѣсты и нуждающіяся женщины оказывались съ платьями, а сундуки ея богатыхъ дочекъ стояли опустошенныя. Разсказъ этотъ смутилъ нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ и имъ не было ясно: права была бабушка, или не права? Но Анна Павловна разрѣшила вопросъ по своему, воскликнувъ: „а я думаю такъ: если многочисленныя дочери были хорошія, то онѣ сочувствовали ей, а если нѣтъ—то и наплевать на нихъ!“. Когда всѣ расходились, мнѣ удалось услышать впечатлѣніе одной изъ представительницъ нѣмецкаго кружка. „Удивительная душа у русскихъ людей!“ сказала она „казалось, когда мы ставили вопросъ, что мы такъ основательно и логично обдумали ее, но А. П. опрокинула всю нашу логику, и чувствуется что ея рѣшеніе—выше нашего“...

Но случалось и такъ, что ея пылкая стремительность ставила насъ въ затруднительныя положенія. Помню, какъ вскорѣ послѣ смерти Льва Николаевича Толстого мнѣ пришлось дѣлать публичный докладъ на открытомъ собраніи Т. О-ва на опредѣленную тему. Анна Павловна требовала непременно, чтобы я отложила докладъ и разсказала собравшимся о томъ, какъ мы съ А. А. Каменской и скрипачкой А. В. Унковской проводили время въ Ясной Полянѣ не задолго до смерти Льва Николаевича. Предсѣдательница собранія нашла совершенно невозможнымъ замѣнить обозначенный на повѣсткѣ докладъ, а я, видя какъ Анна Павловна волнуется и огорчается, обѣщала удовлетворить ее послѣ доклада. Но, по окончаніи преній, предсѣдательница объявила собраніе закрытымъ, и мнѣ, къ моему великому сожалѣнію, такъ и не удалось успокоить взволнованную Анну Павловну, которая и огорчалась, и негодовала, что мы не подѣлились съ собравшейся публикой нашими интересными воспоминаніями.

Заговоривъ о моихъ личныхъ сношеніяхъ съ Анной Павловной, не могу не упомянуть о томъ, какъ она проявлялась къ людямъ, которыхъ считала своими личными друзьями. Болѣе вѣрнаго, нѣжнаго и чуткаго друга нельзя себѣ представить. Она такъ

горячо принимала къ сердцу всѣ мои горести и рѣдкія радости, которыми я дѣлилась съ ней, что въ ея присутствіи первыя—теряли свою остроту, а послѣднія—дѣлались во много разъ ярче и краше. Чтобы помочь своимъ друзьямъ,—какъ она это выразила по поводу одного моего жизненнаго затрудненія,—она была „готова идти на край свѣта“.

Когда мою семью постигло большое горе и она пріѣхала навѣстить меня, милое лицо ея было такое страдальческое, такъ осунулось, что я нашла въ себѣ силу справиться съ собой и ободриться ради нея.

Благодарность ея за каждую оказанную ей услугу была такъ горяча и выражалась съ такой очаровательной нѣжностью, что ея друзья получали сторицей за малѣйшее вниманіе, проявленное къ ней. А ея радость при свиданіи съ тѣми, кого она любила... въ этой радости было столько тепла и свѣта, что свиданіе съ ней послѣ разлуки было настоящимъ праздникомъ. Удивительно хорошо становилось на душѣ, когда удавалось побесѣдовать съ ней въ ея уютномъ уголкѣ, направо отъ входа въ гостиную, гдѣ она любила сидѣть, обложивъ себя новыми газетами и журналами, около низенькой электрической лампы подъ зеленымъ абажуромъ, лаская словами и свѣтлой улыбкой своего собесѣдника, если онъ ей былъ близокъ по духу.

При этомъ она никогда не говорила о себѣ, нетерпѣливо отмахивалась отъ вопросовъ о ея здоровьѣ: „ну, что обо мнѣ!“, спѣшила дѣлиться послѣдними впечатлѣніями изъ области общественной жизни и съ любовнымъ вниманіемъ вслушивалась въ каждое слово, которое, бывало, говоришь ей.

Общественныя невзгоды она переживала съ такой остротой, что можно только дивиться ея могучему организму, какъ онъ могъ такъ долго выдерживать почти ежедневныя потрясенія, которыя эти невзгоды доставляли ея любящему сердцу. Перечитавъ всѣ ея письма за 7 лѣтъ нашихъ дружескихъ отношеній, я не нашла ни одного, въ которомъ не отражалась бы скорбь или тревога за то или другое общественное явленіе. Свѣтлыми оазисами были для нея явленія общественнаго творчества: удачныя сѣзды, открытіе новыхъ просвѣтительныхъ Обществъ, а также ея участіе въ европейскихъ конгрессахъ. Въ минуты подобнаго нравственнаго удовлетворенія вся ея душа загоралась такимъ яркимъ свѣтомъ, что было очевидно, сколько неизжитой жизнерадости, сколько любви къ жизни и ко всему прекрасному таилось въ этой душѣ, вынужденной такъ долго томиться безъ родныхъ для нея солнечныхъ лучей, почти постоянно скрытыхъ за темными облаками.

Послѣднія 10 лѣтъ жизни Анны Павловны были скрашены ея вступленіемъ въ Россійское Теософическое Об-во. Она не разъ выражала при мнѣ горячую благодарность за тотъ свѣтъ, который теософія влила въ ея сознаніе. Ея физическія силы шли на убыль, а сердце не переставало отзываться съ юношеской энергіей на всю творившуюся кругомъ неправду, и оно, по ея словамъ, „не выдержало бы“, если бы ученія теософіи не дали ей внутреннюю опору, освѣтивъ для нея смыслъ историческаго процесса и укрѣпивъ ея вѣру въ свѣтлое будущее. „Только у дорогой моей Анны Алексѣевны“ (А. А. Каменская, у которой петербургскіе теософы собирались начиная съ 1901 года) „спасаюсь и обрѣтаю покой моей душѣ“,—говорила она мнѣ и писала много разъ.

Поражала меня рѣдкая гармонія всѣхъ ея проявленій; такъ же совершенны и горячи, какъ ея отношенія къ общественнымъ задачамъ и къ друзьямъ по духу, были и всѣ остальные ея отношенія къ людямъ. Сколько разъ мнѣ приходилось убѣждаться съ какой горячей любовью она относилась къ своимъ дѣтямъ, какую нѣжную бабушку имѣли въ ней ея внучки и какъ много заботливаго вниманія было въ ея отношеніяхъ къ прислугѣ. Съ ней жила старушка, вынянчившая ея дѣтей, которую всѣ друзья Анны Павловны знаютъ подъ именемъ Дуду. Когда мы оставались однѣ и Дуду наливала намъ чай, когда она чувствовала себя здоровой, Анна Павловна часто обращалась къ ней за подтвержденіемъ какого-нибудь эпизода изъ старины, на которую я любила наводить ея рѣчь. Трогательна была та нѣжность, съ которой Анна Павловна рассказывала мнѣ о достоинствахъ своей старенькой Дуду. Когда она бывала съ ней за границей, Дуду всегда обѣдала и завтракала съ ней за общимъ *table d'hôte*’омъ и помѣщалась совершенно такъ же, какъ и она. Анна Павловна не только любила свою вѣрную слугу, но Дуду была, повидимому, единственнымъ человѣкомъ, которому она подчинялась въ рѣдкихъ случаяхъ, когда у нея происходилъ какой-нибудь разладъ съ домочадцами. Тогда приходилось обращаться къ протекціи Дуду, которая знала секретъ, какъ успокоить разгоряченное сердце своей госпожи; послѣ этого дѣло улаживалось и все кончалось благополучно. Въ Богдановскомъ, гдѣ Анна Павловна съ семьей проводила каждое лѣто, она устроила уютныя помѣщенія для всѣхъ служащихъ и очень заботилась объ ихъ развлеченіяхъ. Въ домѣ управляющаго большой залъ былъ принаровленъ для празднованія именинъ и другихъ личныхъ праздниковъ ея слугъ. Тамъ собирались они и въ тор-

жественныхъ случаяхъ устраивались балы съ танцами; Анна Павловна съ дѣтьми участвовала на этихъ праздникахъ. И среди сосѣдей Анна Павловна пользовалась всеобщей любовью; домъ ея славился самымъ радушнымъ гостепріимствомъ и, даже безъ всякаго заказа съ ея стороны, готовились лишнія порціи на случай незваныхъ гостей, которые всегда принимались съ теплымъ пріѣтомъ.

Мое послѣднее свиданіе съ ней было въ началѣ декабря истекшаго года; въ ноябрѣ мы видѣлись на съѣздѣ теософовъ, который состоялся по случаю годичнаго Собранія Общества. Анна Павловна была въ самомъ свѣтломъ настроеніи, можетъ быть потому, что выборы на новое трехлѣтіе предсѣдательницы Россійскаго Теософическаго Об-ва А. А. Каменской, которую Анна Павловна горячо любила и цѣнила чрезвычайно высоко, прошли необыкновенно дружно, и вся работа собранія обнаружила рѣдкое единодушіе и говорила объ успѣхѣ теософическаго движенія въ Россіи; не помню, чтобы я когда либо видѣла ее такой веселой, какъ 17-го ноября за ужиномъ, который былъ прекрасно приготовленъ членами кружка Служенія (этотъ кружокъ образовался при Теософическомъ Об-вѣ для оказанія посильной помощи вездѣ, гдѣ представится случай). Въ концѣ собранія, длившагося безъ перерыва 5 часовъ, она шепнула мнѣ, смѣясь, что ей ужасно захотѣлось ѣсть и мы пробрались незамѣтно въ заднія комнаты, гдѣ былъ уже поданъ вегетарьянскій ужинъ. Она много шутила во время этого ужина и когда собрались остальные члены и я предложила гостъ за нашу вице-предсѣдательницу, она погрозила мнѣ и сдѣлала видъ, что сильно сердится. Одинъ изъ присутствовавшихъ, членовъ заступился за меня и заявилъ Аннѣ Павловнѣ, что такіе „поклоны“ не должны смущать ее, такъ какъ всѣ работающіе *сверхлично* должны чувствовать себя въ положеніи царскаго кучера, который все время помнить, что поклоны относятся не къ нему, а къ тому, кого онъ везетъ. Аннѣ Павловнѣ чрезвычайно понравилось это объясненіе. „Вотъ за эти слова большое спасибо!“ Сказала она весело, „и совершенно вѣрно! И я очень хочу быть такимъ кучеромъ!“ Но въ декабрѣ, когда я передъ отъѣздомъ изъ Петербурга пришла проститься съ ней, я застала ее задумчивой и грустной и когда я ей напомнила ея обѣщаніе пріѣхать ко мнѣ въ деревню, — я получила отъ нея осенью письмо, въ которомъ она сообщала о своемъ намѣреніи весной пріѣхать ко мнѣ въ Подборки *)—она ничего не сказала

*) Имѣніе моего мужа въ Калужской губ.

а нѣсколько разъ отвѣтила на мое „до свиданья“ грустнымъ „прощайте“. Въ первый разъ я разставалась съ ней съ тяжелымъ предчувствіемъ, что эта бесѣда можетъ оказаться нашимъ послѣднимъ свиданіемъ.

XIII.

1-й Всероссийскій Женскій Съѣздъ въ 1908 году

Мое краткое жизнеописаніе Анны Павловны Филосовой было бы не полно, если бы я не упомянула о Всероссийскомъ Женскомъ Съѣздѣ. Съѣздъ этотъ былъ задуманъ и выполненъ Р. Женскимъ взаимно-благотвор. Обществомъ, а она была душой этого Об-ва.

Подробный отчетъ о немъ читатели могутъ найти въ обширныхъ „Трудахъ“ этого Съѣзда, а также въ газетахъ и журналахъ за 1908 г. Это первое признанное объединеніе русскихъ женщинъ было большимъ общественнымъ событіемъ, и въ то же время вѣнцомъ 50-лѣтней дѣятельности Анны Павловны; всѣмъ, бывшимъ на этомъ многочисленномъ, превосходно организованномъ конгрессѣ, проведенномъ до конца съ большимъ единодушіемъ и умѣlostью, было ясно, что этому экзамену общественной зрѣлости русскихъ женщинъ должна была предшествовать долгая подготовка, что въ Россіи женскія силы были уже заранѣе сорганизованы и имѣли въ прошломъ очевидный общественный опытъ. А читатель уже знаетъ изъ этого краткаго очерка, какую большую роль сыграли для женскаго движенія въ Россіи неутомимыя усилія Анны Павловны и ея сотрудницъ, направленные на то, чтобы поднять женское образованіе, объединить женскія силы, пробудить въ женщинахъ общественное сознаніе и сплотить ихъ для дѣятельнаго участія въ культурномъ развитіи страны. На этомъ конгрессѣ на долю Анны Павловны выпало рѣдкое счастье увидать воочию плоды своихъ трудовъ, полюбоваться на осуществленіе своей за-вѣтной мечты.

Сколько настойчивыхъ усилій и какое напряженіе воли потребовалъ 1-ый Всероссийскій Женскій Съѣздъ, можно судить уже по тому, что согласіе на него было получено еще въ 1902 году отъ министра внутреннихъ дѣлъ Плеве и, тѣмъ не менѣе, прошло еще три года въ неустанныхъ прошеніяхъ и настойчивыхъ хлопотахъ прежде, чѣмъ получилось окончательное разрѣшеніе на созывъ Съѣзда 1-го Іюня 1905 года, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы на него допускались только женщины, официально

утвержденные въ званіи членовъ Комитетовъ и Правленій различныхъ зарегистрированныхъ Обществъ. Но и этого было мало. Передъ самымъ съѣздомъ, когда въ его бюро уже поступило свыше 100 докладовъ, петербургскій генераль-губернаторъ Треповъ предъявилъ новое требованіе, чтобы всѣ доклады проходили черезъ предварительную полицейскую цензуру. На это Совѣтъ женскаго О-ва не согласился и рѣшено было отложить съѣздъ до болѣе благоприятнаго времени.

Время это вскорѣ наступило и общественныя условія настолько измѣнились, что оказалось возможнымъ и значительно расширить программу Съѣзда, и облегчить доступъ для желающихъ принять въ немъ участіе.

Подготовительныя работы къ Съѣзду велись въ теченіе двухъ лѣтъ Организационной Комиссіей, которая за это время имѣла болѣе 50 собраній. На нихъ были выработаны программы работъ Съѣзда и вся дѣятельность конгресса была распределена на 4 секціи:

1-я секція—*Дѣятельность женщинъ въ Россіи на различныхъ поприщахъ* (завѣдывала этой секціей А. П. Философова) 2-я—*Экономическое положеніе женщинъ и вопросы этики въ семьѣ и обществѣ* (завѣдующая Е. Н. Щепкина); 3-я—*Политическое и Гражданское положеніе женщинъ* (завѣдующая А. Н. Шабанова); 4-я—*Женское образованіе въ Россіи* (завѣдующая М. А. Чехова).

Одной изъ самыхъ главныхъ заботъ Организац. Комиссіи было стараніе привлечь къ участію на Съѣздѣ какъ можно больше женскихъ силъ. Предсѣдательницей Организационной Комиссіи была д-ръ А. Н. Шабанова, вице-предсѣдательницей А. П. Философова и О. А. Шапиръ, Предсѣдательницей Распорядительной Комиссіи была А. П. Философова; на ея обязанности была забота о внѣшней организаціи Съѣзда.

Общія собранія Съѣзда, происходили въ большомъ залѣ городской Думы, а засѣданія секцій, собиравшіяся 2 раза въ день, въ обширныхъ аудиторіяхъ Сельско-Хозяйственнаго Музея и въ помѣщеніи Р. Ж. вз.-благ. О-ва.

Наканунѣ открытія Съѣзда, Р. Ж. О-во устроило у себя, съ 1 часа дня до 12 час. вечера, приѣмъ членовъ Съѣзда съ цѣлью познакомить ихъ другъ съ другомъ. Вечеромъ обѣ предсѣдательницы, А. П. Философова и А. Н. Шабанова, привѣтствовали съѣхавшихся членовъ Съѣзда. Аннѣ Павловнѣ былъ поднесенъ букетъ изъ бѣлыхъ розъ съ надписью: „Неутомимому борцу за женское равноправіе“; членамъ Съѣзда раздавалось нѣчто въ родѣ

воззванія съ краткимъ изложеніемъ современнаго положенія женскаго вопроса. Воззваніе заканчивалось такими словами: „Только свободная мать-гражданка можетъ воспитать свободныхъ гражданъ. Стремленіе женщинъ къ улучшенію ихъ положенія есть стремленіе къ благу всего народа, къ свѣтлому будущему грядущихъ поколѣній. И, во имя этого будущаго, мы привѣтствуемъ выступленіе русской женщины на историческое поприще, привѣтствуемъ новый шагъ ея по пути къ свѣту и свободѣ“.

Вечеръ этотъ, очень привлекательный и задушевный, кончился концертомъ.

10-го Декабря, на торжественномъ вечернемъ засѣданіи въ большой, красиво декорированной Александровской залѣ городской Думы, состоялось открытіе перваго Всероссійскаго Женскаго Съѣзда. Въ залѣ было не менѣе 1500 человекъ *), но черные сюртуки и фраки мужчинъ совершенно терялись среди огромной толпы собравшихся со всѣхъ концовъ Россіи женщинъ.

У эстрады виднѣлось много представителей печати, которая—за весьма немногими исключеніями—слѣдила съ сочувствіемъ и серьезнымъ интересомъ за работами Съѣзда; большинство газетныхъ статей считало данную женщинамъ возможность высказаться открыто о своихъ нуждахъ и стремленіяхъ не только своевременной, но и полезной какъ для самихъ женщинъ, такъ и для прогресса всей русской жизни. Среди корреспондентовъ были представители столичной и провинціальной печати, а также много представителей иностранной прессы, въ томъ числѣ отъ Персіи и Японіи **).

Въ 9 часовъ предсѣдательница Организац. Комиссіи А. Н. Шабанова объявила Первый Женскій Съѣздъ открытымъ и сказала короткое привѣтствіе съѣхавшимся участникамъ Съѣзда. Затѣмъ, подъ шумъ долго не смолкающихъ аплодисментовъ, на кафедре выступила Анна Павловна и сказала такую рѣчь:

„Дорогія желанныя гости, привѣтствую и поздравляю васъ съ торжественнымъ днемъ открытія перваго женскаго Съѣзда въ Россіи. Для меня, дожившей до восьмого десятка, этотъ день является однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дней моей жизни. Щедрая ко мнѣ судьба послала мнѣ въ мои юные годы радость быть свидѣтельницей освобожденія рабовъ, а въ данное время, на склонѣ лѣтъ, я являюсь свидѣтельницей освобожденія женщинъ.

*) Изъ этого числа 1000 участницъ Съѣзда, остальные—гости.

***) Всѣхъ пропускныхъ билетовъ для корреспондентовъ выдано было болѣе 100.

И кто знаетъ, можетъ быть отъ насъ недалеко то время, когда мы войдемъ равноправными членами не только въ эту Думу, гдѣ въ настоящій моментъ мы, съ горячей благодарностью, пользуемся столь широкимъ гостепріимствомъ, но и въ Думу Государственную, гдѣ займемъ мѣсто рядомъ съ товарищами-депутатами. Конечно, я не доживу до этой новой зари, но близость ея я чувствую. Привѣтствую васъ, собравшихся здѣсь во имя равноправія. Хочется мнѣ при этомъ воскресить въ памяти славные шестидесятые годы и помянуть теплымъ словомъ тѣхъ, которые самоотверженно и безтрепетно шли по тернистому пути, расчищая намъ дорогу для завоеванія равныхъ правъ, какъ на образованіе, такъ и на трудъ. Наше женское движеніе началось при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ. У насъ въ Россіи не было ни историческихъ традицій Западной Европы, ни готовой почвы для развитія идеи женскаго вопроса, какъ въ Америкѣ... Въ шестидесятихъ годахъ, въ эту великую эпоху русской жизни, зародилось въ обществѣ серьезное стремленіе придти на помощь русскому народу въ его порывѣ къ образованію. Само собой разумѣется, что это стремленіе увлекло и женщинъ“...

Указавъ въ короткихъ словахъ на исторію женскаго движенія въ Россіи, Анна Павловна воспользовалась случаемъ, чтобы помянуть добрымъ словомъ своихъ сотрудницъ М. В. Трубникову и Н. В. Стасову. „И вотъ передъ нами вырисовываются“,—заключила она свою рѣчь,—„личности двухъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ, которыя и начали это святое дѣло. Я говорѣ о Маріи Васильевнѣ Трубниковой и Надеждѣ Васильевнѣ Стасовой. Первая изъ нихъ была нашимъ истиннымъ добрымъ гениемъ, она насъ просвѣщала, давала намъ добрые совѣты, вливала въ насъ энергію, и подъ ея руководствомъ легко работалось пионеркамъ женскаго движенія. Но, вдохнувъ жизнь въ это дѣло, она, къ нашему горю, рано должна была сойти съ поприща дѣятельности, но завѣщала намъ свою энергію. Надежда Васильевна продолжала работу М. В. Трубниковой; она дожила до глубокой старости и до самой смерти отдавала себя всецѣло на служеніе страждущему человѣчеству и женскому просвѣтительному движенію. Помянемъ же дорогую память этихъ двухъ пионерокъ и пойдемъ твердо по ихъ пути“.

Послѣ рѣчи Анны Павловны начались привѣтствія со стороны многочисленныхъ депутацій: отъ просвѣтительныхъ и педагогическихъ организацій, отъ Городской Думы, отъ слѣдующихъ фракцій Государств. Думы: народной свободы, трудовой группы,

партіи мирнаго обновленія, отъ группы прогрессистовъ и фракціи мусульманъ; отъ женскихъ клубовъ, отъ литовскихъ, польскихъ, финляндскихъ и еврейскихъ женщинъ; изъ-за границы—отъ чешскихъ, нѣмецкихъ, венгерскихъ и англійскихъ женщинъ.

Послѣ привѣтствій была произнесена рѣчь предсѣдательствовавшей А. Н. Шабановой, затѣмъ профессоръ Петражицкій прочелъ обширный докладъ „Законы развитія права и правового положенія женщины“; послѣ него произнесла рѣчь талантливая писательница А. П. Тыркова и въ заключеніе г-жа Волкова сказала привѣтствіе Съѣзду отъ имени ботницъ „борющихся за свое политическое и экономическое освобожденіе“, послѣ чего первое Собраніе Ж. Съѣзда было объявлено закрытымъ.

Слѣдующіе пять дней, съ 11 по 16 декабря, были посвящены усиленной работѣ всѣхъ четырехъ секцій, собиравшихся въ Соляномъ Городкѣ и успѣвшихъ за эти дни прослушать до 150 докладовъ. Чтобы дать общее представленіе о серьезности и всесторонности произведенной работы, приведу лишь перечень главныхъ вопросовъ, обсуждавшихся въ каждой изъ четырехъ секцій.

Въ I-й секціи, кѣторой завѣдывала Анна Павловна, всѣхъ докладовъ было 28, и они касались *благотворительнаго и просвѣтительнаго поприща женщинъ, женской дѣятельности въ области: науки, литературы, искусства, музыки, сцены, врачебной практики, сельско-хозяйственной и коммерческой дѣятельности и роли женщинъ въ проведеніи принциповъ мира.*

Во второмъ отдѣленіи этой же секціи происходило подробное обсужденіе самаго дорогаго для Анны Павловны вопроса о значеніи объединенія Женскихъ Обществъ въ Россіи и разсмотрѣніе ея проекта о *Всероссійскомъ Женскомъ Совѣтѣ*, скорое учрежденіе котораго было единодушно признано желательнымъ на соединенномъ засѣданіи всѣхъ секцій 16-го декабря.

Во II-й секціи были выслушаны и дебатированы 34 доклада: 1) *по общимъ вопросамъ женскаго труда*; 2) *о женскомъ трудѣ на фабрикахъ и заводахъ*; 3) *о трудѣ женщины въ области промышленной и торговой*; 4) *о женской прислугѣ*; 5) *объ организаціи спроса и предложенія труда*; 6) *о служебной дѣятельности женщинъ въ государственныхъ, земскихъ, городскихъ и частныхъ учрежденіяхъ*; 7) *объ экономическомъ положеніи учительницъ*; 8) *о женскомъ трудѣ въ области свободныхъ профессій*; 9) *объ охранѣ женскаго труда всѣхъ категорій*; 10) *о страхованіи работницъ и служащихъ*; 11) *о трудѣ женщинъ въ монастыряхъ*;

12) о заработкахъ черничекъ и странницъ; 13) о нищенскомъ промыслѣ женщинъ; 14) о различныхъ сторонахъ быта женщинъ-крестьянокъ, и рядъ другихъ вопросовъ женскаго экономического быта въ Россіи.

Во второмъ Отдѣлѣ той же секціи разбирались *этическіе вопросы въ семьѣ и обществѣ* *). Женскій вопросъ освѣщался съ морально-психологической точки зрѣнія; обсужденію подлежало семейное положеніе женщинъ, церковный и гражданскій бракъ, половая жизнь, материнство и идеалы будущаго. Въ этомъ же отдѣлѣ читались доклады объ алкоголизмѣ и проституціи.

III-я секція, въ которой разсматривалось *политическое и гражданское положеніе женщинъ въ Россіи и за границей*, раздѣлялась также на два Отдѣла.

Въ I-мъ разбиралось *правовое положеніе женщинъ, практика ихъ политической и общественной дѣятельности*, а во II-мъ отдѣлѣ читались доклады по *исторіи женскаго движенія за границей и въ Россіи, начиная съ 60 годовъ*.

Предметомъ IV-й секціи была *исторія женскаго образованія въ Россіи*,—низшаго, средняго и высшаго,—начиная съ допетровской Руси и до нашего времени. Нѣсколько докладовъ этой секціи имѣли темой *профессіональное образованіе женщины*, вопросы *совмѣстнаго обученія* и значеніе *физическаго воспитанія дѣвочекъ*.

Всѣ доклады вызвали оживленныя пренія и сослужили большую службу, познакомивъ присутствующихъ со множествомъ очередныхъ вопросовъ русской общественной жизни, на которые женщины могутъ имѣть прямое или косвенное вліяніе.

Докладъ самой Анны Павловны о „*Значеніи Международнаго Женскаго Союза и Національнаго Женскаго Совѣта*“, излагаетъ исторію Національных Женскихъ Совѣтовъ, которые возникли впервые въ 1888 г. въ Сѣверо-Америк.Соед. Шт., а ко времени доклада существовали уже въ 23 государствахъ. Цѣль и смыслъ такого объединенія женщинъ всѣхъ странъ, съ помощью Международнаго Совѣта, выражено въ уставѣ послѣдняго такъ: „Мы, женщины всѣхъ націй, искренно убѣжденныя въ томъ, что счастье челоуѣчества будетъ достигнуто при большемъ единеніи мыслей, симпатій и цѣлей, и что правильно организованная дѣятельность женщинъ наилучшимъ образомъ обезпечитъ благосостояніе

*) Въ этомъ отдѣлѣ было представлено и Р. Теософическое О-во, председательницей котораго былъ прочитанъ докладъ на тему: „Энтузіазмъ и фанатизмъ“.

семьи и государства,—объединяемся въ союзъ дѣятельницъ съ цѣлью проведенія въ общество, нравы и законы золотого правила: „поступайте съ другими такъ, какъ вы желали бы, чтобы съ вами поступали“.

Разказавъ исторію Меж. Ж. Совѣта, А. П. обстоятельно излагаетъ необходимость и для русскихъ женщинъ организовать свой Всероссійскій Совѣтъ, „который будетъ содѣйствовать единенію мыслей, симпатій и цѣлей женщинъ-дѣятельницъ всѣхъ классовъ, партій и вѣрованій, и распространять приложеніе вышеприведеннаго золотого правила („поступайте съ другими такъ, какъ вы желали бы, чтобы поступали съ вами“) къ жизни общества, къ обычаямъ и законодательству“.—Далѣе А. П. указываетъ на большое значеніе для обще-человѣческой культуры Межд. Ж. Совѣта, который, „имѣя цѣлью служить объединенію всѣхъ женщинъ“, долженъ быть мѣстомъ, „гдѣ онѣ имѣли бы возможность знакомиться другъ съ другомъ, научиться взаимному довѣрію, находить поддержку, руководство и вдохновеніе для соединенныхъ усилій въ защиту вопросовъ, дорогихъ для всего человѣчества“... Затѣмъ Анна Павловна указываетъ на три важныя обязательства, которыя Межд. Ж. Совѣтъ уже принялъ на себя: во 1) *распространять движеніе въ пользу междунаго третейскаго суда*; во 2) *бороться съ торговлею женщинами, привлекать Нац. Совѣты къ содѣйствію уничтоженія ея и отстаивать принципъ одинаковаго нравственнаго мѣрила для обоихъ половъ*; 3) *поддерживать всѣ старанія, которыя имѣютъ цѣлью достиженіе женщинами права голоса во всѣхъ странахъ съ представительнымъ правленіемъ*.

Въ концѣ своего доклада Анна Павловна возвращается къ руководящей нотѣ всей своей жизни. „*Въ единеніи сила*“, говоритъ она; „одно уже сознаніе своей принадлежности къ крупной ассоціаціи придаетъ всегда много энергіи и силъ для работы. Организация Всероссійскаго Женскаго Совѣта повлечетъ за собой возможность устраивать періодическіе съѣзды въ различныхъ городахъ Россіи, а затѣмъ и общеніе русскихъ делегатокъ съ представительницами всѣхъ странъ въ большихъ центрахъ за границей“.

Здѣсь будетъ кстати упомянуть, что Анна Павловна была избрана на Международномъ Женскомъ Конгрессѣ, состоявшемся въ 1899 году въ Лондонѣ, почетной вице-предсѣдательницей, въ качествѣ которой она лично участвовала на двухъ послѣдующихъ конгрессахъ: въ Женевѣ въ 1905 году и въ Стокгольмѣ въ іюнѣ 1911 года.

Результатомъ этого доклада Анны Павловны была резолюція I секціи Всероссийскаго Женскаго Съѣзда, которую я приведу цѣликомъ, такъ какъ она служитъ сжатой формулой для всей общественной дѣятельности дорогой нашей Анны Павловны:

„I секція Перваго Всероссийскаго Женскаго Съѣзда, ознакомившись съ тѣми общественными нуждами и язвами, отъ которыхъ страдаютъ главнымъ образомъ женщины и дѣти, пришла къ заключенію, что усиліями отдѣльныхъ лицъ, не сплоченныхъ общими задачами и объединенной дѣятельностью, невозможно достигнуть сколько-нибудь значительныхъ результатовъ и облегчить ту бездну горя, отъ котораго страдаетъ наше современное общество.

Выходомъ изъ такого положенія вещей I секція считаетъ немедленное образованіе Всероссийскаго Женскаго Совѣта, дѣятельницы котораго будутъ періодически съѣзжаться для обсужденія совмѣстной планомѣрной работы, для обмѣна мыслями и опытомъ, для изысканія средствъ и способовъ къ искорененію общественныхъ язвъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, секція считаетъ, что общественная работа женщинъ будетъ только тогда плодотворна, когда женщины начнутъ принимать дѣятельное участіе въ судьбѣ своей родины, т. е. когда онѣ будутъ имѣть право голоса въ дѣлахъ общества и государства“.

Изъ остальныхъ резолюцій Съѣзда наиболѣе важныя затрагиваютъ *необходимость уравненія правъ женщинъ съ правами мужчинъ вездѣ, гдѣ онѣ могутъ принимать одинаковое съ ними участіе въ общественной жизни; необходимость немедленной отмены регламентаціи проституціи и закрытія встѣхъ публичныхъ домовъ; активное участіе женщинъ въ борьбѣ съ пьянствомъ; необходимость совмѣстнаго обученія въ школахъ мальчиковъ и дѣвочекъ.*

Закрытіе Съѣзда состоялось вечеромъ, 16 декабря, въ томъ же Александровскомъ залѣ городской Думы, при такомъ же многочисленіи и въ образцовомъ порядкѣ, ярко выразившимъ собой большой организаторскій талантъ руководительницъ Съѣзда и сознательную дисциплину всѣхъ его участницъ, прекрасно понимавшихъ всю отвѣтственность своей роли. Къ сожалѣнію, полная гармонія Съѣзда была нарушена въ послѣдній день боевымъ выступленіемъ нѣсколькихъ представительницъ отъ рабочей группы, которая противилась баллотировкѣ резолюціи Съѣзда по общимъ политическимъ вопросамъ на томъ основаніи, что ихъ собственная резолюція не могла быть голосована. Когда же большинство все-таки пожелало баллотировать резолюцію, протестующія покинули собраніе; но это не помѣшало Съѣзду спокойно продолжать свое засѣданіе.

Устроительницы Съезда позаботились и о развлеченіи своихъ гостей; 11-го состоялся вечерній рауть въ Женскомъ Клубѣ, а 12-го Анна Павловна пригласила всѣхъ пріѣзжихъ участницъ Съезда къ себѣ; оба вечера отличались большимъ подъемомъ и оживленіемъ; 14-го вечеромъ Анна Павловна устроила концертъ въ залѣ Петровскаго училища съ участіемъ артистовъ Императорскихъ театровъ, а 17 декабря происходилъ оживленный обѣдъ по подпискѣ, въ ресторанѣ Контанъ, въ которомъ участвовало 515 чел. Этотъ многолюдный, веселый, изящный обѣдъ, на которомъ царило общее радостное оживленіе, и, несмотря на отсутствіе вина, было произнесено такъ много хорошихъ тостовъ—тостъ Анны Павловны за женщину-крестьянку былъ принятъ особенно горячо—служилъ какъ бы яркой иллюстраціей того, какъ хорошо женщины умѣютъ справляться съ общественными задачами, включая сюда и общественныя празднества, когда ихъ силы могутъ свободно развернуться, не стѣсненные безчисленными препятствіями.

Къ сожалѣнію, свое краткое описаніе I Всероссийскаго Женскаго Съезда я не могу закончить на этой привлекательной иллюстраціи; не ею завершились старанія лучшихъ женскихъ силъ нашей родины объединиться для мирной культурной работы. Я думаю, что нѣтъ ни одного грамотнаго человѣка въ Россіи, который бы не зналъ о взрывѣ негодованія, пронесшемся по всей Россіи, когда печально-знаменитый депутатъ Государственной Думы, В. Пуришкевичъ, оскорбилъ неприличнымъ письмомъ, наполненнымъ площадною бранью, всѣми признаннаго вождя русскаго женскаго движенія, нашу свѣтлую Анну Павловну Филосову.

Трудно понять, чего добивался депутатъ Государственной Думы, но что ему удалось болѣзненно потрясти Анну Павловну, это я знаю по тому волненію, съ которымъ она долго спустя вспоминала объ оскорбленіи, которое въ ея лицѣ было нанесено всѣмъ русскимъ женщинамъ.

Что же касается общественнаго мнѣнія, то здѣсь случилось то, чего развязный депутатъ очевидно не добивался: взрывъ горячаго сочувствія къ оскорбленной Аннѣ Павловнѣ былъ до того единодушенъ, что письма и телеграммы, выразившія негодованіе по поводу его поступка и глубокое уваженіе къ почитаемой представительницѣ русскихъ женщинъ, стекались къ ней со всѣхъ сторонъ великой Россіи, отъ всѣхъ классовъ общества, отъ представителей самыхъ разнообразныхъ общественныхъ группъ, не исключая даже солдатъ и рабочихъ артелей.

XIV.

Послѣдніе годы жизни Анны Павловны.

Самые послѣдніе годы жизни Анны Павловны, которые мнѣ извѣстны уже не по историческимъ документамъ, а во всѣхъ живыхъ подробностяхъ, вызываютъ невольное удивленіе: если въ 75 лѣтъ, обезсиленная подкрадывавшимися недугами, съ утомленной нервной системой и ослабѣвшими силами, она могла такъ пламенно интересоваться различными общественными начинаніями и такъ активно принимать въ нихъ участіе, каковъ же былъ размѣръ ея общественной работы во цвѣтѣ силъ? Если взять только одинъ послѣдній годъ ея земной жизни, передо мной проходитъ одно за другимъ: ея 50 лѣтній юбилей, ея участіе въ Стокгольмскомъ Международномъ женскомъ Конгрессѣ въ качествѣ почетной вице-предсѣдательницы, устроенный ею пріемъ представителей педагогическихъ дѣятелей Франціи, участіе въ годовомъ Собраніи теософовъ, о которомъ я уже упоминала въ гл. XII-й; ея работа надъ вопросомъ, который она считала какъ бы очередной своей задачей — я говорю объ организациі національнаго Совѣта въ Россіи и его включеніи въ Международный Союзъ женщинъ, — ея участіе въ различныхъ комиссіяхъ, которыя — ввиду упадка ея силъ — собирались въ прошлую зиму у нея на дому, и, наконецъ, подготовка къ осуществленію одного изъ отдѣловъ, задуманнаго группой прогрессивныхъ женщинъ „Всероссійскаго Съѣзда по женскому образованію“. Ее просили принять на себя руководство одной изъ секцій будущаго Съѣзда и, хотя она сильно колебалась въ виду растущей слабости, она все же дала свое согласіе послѣ того, какъ заручилась обѣщаніемъ А. А. Каменской (предсѣдательницы Россійскаго Теософическаго Общества) помогать ей въ организациі секціи и взять на себя разработку этической стороны вопроса о воспитаніи въ семьѣ и школѣ. Анна Павловна принимала горячо къ сердцу вопросы воспитанія и многое въ постановкѣ этого дѣла у насъ, въ Россіи, вызывало въ ней тяжелую тревогу. Она глубоко скорбѣла о матеріалистическомъ направленіи современнаго воспитанія, о слабой постановкѣ нравственной отвѣтственности и чувства долга у дѣтей, объ отсутствіи идеи духовной культуры въ планахъ нашего школьнаго и домашняго воспитанія и въ этихъ отрицательныхъ явленіяхъ она видѣла причину пониженія идеи красоты въ жизни, литературѣ и искусствѣ. На эту тему она много бесѣдовала съ А. А. Каменской, уже нѣсколько лѣтъ работающей надъ новой постановкой педагоги-

ческой этики, въ которой духовная культура выдвигается на первый планъ и суть которой можно свести къ слѣдующему тезису: *главной цѣлью воспитанія должно быть пробужденіе въ дѣтяхъ потребности самовоспитанія.*

Анну Павловну чрезвычайно привлекала возможность поставить на этомъ съѣздѣ совершенно опредѣленно идею *объединенія этики и эстетики*, какъ элемента облагораживающаго и противодействующаго растущему эгоизму современныхъ дѣтей, который она приписывала не только общественной неурядицѣ и безпринципности взрослыхъ, но главнымъ образомъ отсутствію духовнаго начала въ современной педагогикѣ. Въ духъ этихъ идей была уже выработана и руководящая формула для будущей секціи на предполагавшемся Съѣздѣ, порученной А. П.: *„объединеніе этическихъ и эстетическихъ задачъ воспитанія въ связи съ вопросами духовной культуры.*

Но Съѣзду этому не было суждено осуществиться при ея жизни: Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не дало необходимаго разрѣшенія, и задуманная общественная работа осталась не выполненной.

Празднованіе 50 лѣтняго юбилея общественной дѣятельности Анны Павловны, о которомъ я упоминала въ XII главѣ, рассказывая, какъ она молила оставить ее въ покоѣ, состоялось 17 апрѣля 1911 г. въ залѣ Женскаго взаимно-благотворительнаго Общества. Я не стану описывать этотъ юбилей, такъ какъ онъ былъ повтореніемъ описаннаго мною въ X-й главѣ празднованія 40 лѣтней общественной дѣятельности Анны Павловны. Онъ отличался такимъ же единодушнымъ энтузіазмомъ какъ и первый юбилей, также соединилъ около Анны Павловны самые прогрессивные элементы русскаго общества, также читались на немъ адреса, полные горячей любви и глубокаго уваженія къ безупречному облику вождя русскаго женскаго движенія, такая же прошла на немъ вереница делегатовъ отъ многочисленныхъ организацій и обществъ Петербурга и представителей земства, Государственной Думы и Государственнаго Совѣта; въ такой же степени можно было назвать и это чествованіе Анны Павловны „праздникомъ русской женщины“, какъ и первый ея юбилей 1901 г.

Слѣдуетъ упомянуть, что Анна Павловна наотрѣзъ отказалась присутствовать на своемъ юбилеѣ, если онъ состоится въ большомъ залѣ городской Думы при торжественной обстановкѣ, какъ это проектировали его устроители, и соглашалась только на „семейный праздникъ“ въ дорогомъ для нея помѣщеніи Женскаго взаимно-благотворительнаго Общества.

Зная эту нелюбовь Анны Павловны ко всякой официальнойности, организаторы юбилея постарались придать ему чисто семейный характеръ; войдя въ залъ и увидавъ въ немъ радостную толкотню, Анна Павловна просвѣтлѣла и начала посылать во всѣ стороны дружескія привѣтствія, повторяя растроганнымъ голосомъ: „здравствуйте мои дорогіе! здравствуйте мои милые!“ съ той очаровательной улыбкой, которая такъ ласково освѣщала ея лицо.

Г-жа Шабанова, сказавшая привѣтственную рѣчь, поднесла ей букетъ бѣлыхъ и красныхъ розъ, какъ символъ „чистоты и яркости чувствъ всѣхъ собравшихся“. Отъ имени 20 организацій, въ которыхъ Анна Павловна принимала дѣятельное участіе, ей была поднесена брошь въ видѣ покрытаго розовой эмалью золотого сердца, внутри котораго вырѣзаны начальныя буквы всѣхъ 20 обществъ, а на обратной сторонѣ надпись: „Всѣми чтимой, всѣми любимой А. П. Философовой въ день празднованія 50-тилѣтія общественной дѣятельности“. Депутація отъ друзей и товарищей по общественной работѣ поднесла Аннѣ Павловнѣ ея большой портретъ, написанный художницей Кавосъ-Зарудной. Послѣ многочисленныхъ привѣтствій отъ различныхъ обществъ, членъ Государственного Совѣта профессоръ М. М. Ковалевскій привѣтствовалъ Анну Павловну отъ имени „тысячи свидѣтелей ея плодотворной дѣятельности, признательныхъ ей за то дѣло, которому она посвятила свою жизнь“ и указалъ на совпаденіе ея 50-лѣтняго юбилея съ первымъ шагомъ, сдѣланнымъ Законодательнымъ Собраніемъ въ пользу уравненія женскихъ правъ съ правами мужчинъ*). Вслѣдъ за нимъ Анну Павловну привѣтствовалъ Ѡ. И. Родичевъ какъ „носителницу самыхъ благородныхъ воспоминаній и чаяній нашего прошлаго и будущаго“. Вздволнованная и растроганная Анна Павловна отвѣтила приблизительно такими словами:

„Позвольте мнѣ поблагодарить нашу уважаемую председательницу и всѣхъ членовъ нашего общества, представителей всѣхъ обществъ и всѣхъ васъ, дорогіе друзья и товарищи по работѣ, за то вниманіе, которое вы мнѣ удѣлили. Я всего этого не заслужила... Позвольте попросить васъ мой портретъ, который вы мнѣ сегодня поднесли, повѣсить здѣсь, и прошу еще, чтобы онъ оставался здѣсь и послѣ моей смерти, на память о той глубокой любви, которую я питаю къ нашему Обществу“.

Это происходило въ апрѣлѣ, а въ іюлѣ, несмотря на возраставшее недомоганіе, Анна Павловна поѣхала въ Стокгольмъ, чтобы лично участвовать въ качествѣ почетной вице-предсѣда-

*) Указаніе на уравненіе правъ на пенсію учительницъ съ правами учителей.

тельницы на Женскомъ Международномъ Конгрессѣ. Поѣздка эта не только не повредила ей, какъ боялись ея ближайшіе родственники—ея зять говорилъ мнѣ въ іюнѣ, что Аннѣ Павловнѣ и думать нечего ѣхать на конгрессъ, такъ она слаба—но она подняла ея силы, вѣроятно, потому, что дало ей отдохнуть душой и порадоваться. Сужу объ этомъ на основаніи ея письма ко мнѣ отъ 24 сентября 1911 г. „Что вамъ сказать о себѣ? Я гораздо лучше себя чувствую и осталась въ восхищеніи отъ Стокгольмскаго Конгресса; для этого переплывала море и очень удачно совершила свое путешествіе съ Таней *) и А. Н. Шабановой. Я совершенно забыла о земныхъ дрязгахъ такъ меня унесли въ небеса всѣ міровые вопросы, которые возбуждались тамъ: материнство, дѣти, и пр., и пр. Чудные были ораторши, которыя восхищали насъ!— Я читала имъ мой отчетъ, онѣ сочувственно отнеслись ко мнѣ... ну словомъ было чудно, чудно, и все это промелькнуло какъ сонъ!“.

Переходя къ своимъ петербургскимъ впечатлѣніямъ она продолжаетъ: „Вернувшись въ Петербургъ, я повидалась съ Тырковой и къ моему удивленію и горю я узнала, что у нея былъ обыскъ и что у нея забрали и мой архивъ **). Его конечно мнѣ вернуть, но неприятно, что копаются въ моей душѣ совершенно чужіе люди. Вся трагедія Столыпинская меня страшно поразила и огорчила (какъ теософку). Боже мой, что за ужасы дѣлаются на свѣтѣ, а войны, а голодающіе, а молодежь, а каторжане... И какъ мы всѣ безсильны, и какъ иногда является грѣховное сомнѣніе!“...

По поводу Стокгольмскаго конгресса Анна Павловна сдѣлала докладъ въ Женскомъ взаимно-благотворительномъ О-вѣ, въ которомъ совершенно опредѣленно выразилось ея отношеніе къ женскому вопросу.

„Существуетъ весьма распространенное мнѣніе“ говоритъ она въ этомъ докладѣ, что „феминизмъ“ стремится достигнуть лишь узко-спеціальныхъ профессиональныхъ цѣлей, и что тутъ женщины хотятъ лишь конкурировать съ мужчинами, но это, конечно, не такъ. Прежде всего здѣсь рѣчь идетъ о достоинствѣ и о самоосознаніи женщины какъ человѣческой личности, о правѣ ея на самоопредѣленіе, на развитіе и проявленіе вложенныхъ въ нее способностей и талантовъ, и вообще объ интересахъ общечело-

*) Внучка Анны Павловны, Татьяна Дмитріевна Каменецкая.

**) Г-жа Тыркова намѣревалась написать біографію Анны Павловны, которая для этой цѣли отдала ей свой семейный архивъ; въ немъ находилась вся ея многолѣтняя переписка съ мужемъ который скончался 24 ноября 1894 года.

вѣческой культуры. На ряду съ этимъ, женскій вопросъ есть вопросъ о сотрудничествѣ женщинъ съ мужчинами въ дѣлѣ развитія этой культуры“. Въ подтвержденіе своего опредѣленія „женскаго вопроса“, Анна Павловна ссылается на характеръ работъ Стокгольмскаго Конгресса, который выдвинулъ вопросъ о *международномъ мирѣ*, рекомендуя членамъ женскихъ національных союзовъ содѣйствовать самымъ активнымъ образомъ осуществленію идеи мира. Рядомъ съ этимъ вопросомъ Конгрессъ постановилъ „принять энергическое участіе въ борьбѣ правительствъ съ торговлей женщинами, предпринять различныя мѣры по охранѣ общественнаго здоровья, по борьбѣ съ туберкулезомъ, по охранѣ материнства, заняться съ особымъ вниманіемъ вопросомъ совмѣстнаго воспитанія юношества обоого пола и проч. Развѣ все это вопросы чисто женскіе? Развѣ этими резолюціями не затронуты самыя больныя мѣста современной общественной жизни? Женщина во всѣхъ этихъ областяхъ требуетъ развитія и защиты не только своихъ специально-женскихъ интересовъ... „Но для того, чтобы всѣ столь разностороннія задачи женскаго движенія были достигнуты, чтобы женщины могли принимать дѣятельное участіе во всѣхъ нуждахъ общественной и государственной жизни и оказывать вліяніе на развитіе ихъ, имъ прежде всего необходимы *образованіе и знанія*“. Затѣмъ Анна Павловна даетъ картину женскаго образованія въ Россіи, начиная съ 60-хъ годовъ, и заканчиваетъ свой докладъ такими словами: „на нашихъ глазахъ выросла въ Россіи *средняя* женщина, которая въ короткое время внесла всюду культурный элементъ: въ школу, въ семью, въ деревню. Развѣ можно себѣ представить теперь самый глухой уголокъ современной деревни, гдѣ бы женщина не находила исхода для своихъ непочатыхъ силъ, гдѣ бы она не работала въ качествѣ учителя, доктора, фельдшерицы, сельской хозяйки? И на какихъ основаніяхъ эти труженицы не допускаются до избирательныхъ урнъ? И кто выигралъ отъ приобщенія женщины къ обще-культурной работѣ? Неужели *только* женщины? Конечно, нѣтъ. Выиграло все общество, потому что увеличилось число культурныхъ работниковъ, потому что возросло уваженіе къ человѣческой личности, къ ея многосторонности и разнообразію. Образованная женщина не конкурентка мужчинѣ, а благородная соревновательница въ дѣлѣ культурнаго роста человечества“.

Въ этомъ докладѣ ясно выразилось широкое пониманіе А. П. общественной эволюціи: ея вдохновляли не столько средства, сколько цѣль, не столько политическая борьба, сколько культур-

ная дѣятельность женщины на всѣхъ поприщахъ, ее радоваль тотъ свѣтъ, который общественно-развитая, образованная и любящая женщина можетъ внести въ темные углы народной жизни. Но она высказалась въ этой послѣдней своей рѣчи не вся; въ ней самой шла глубокая духовная работа, поднимались вѣчные вопросы о смыслѣ жизни, о назначеніи человѣка, о его отношеніи къ Богу, о внутреннемъ смыслѣ историческаго процесса, о конечной цѣли человѣческой эволюціи.

На эту, болѣе глубокую работу ея души, указываетъ и выборъ чтенія, къ которому А. П. постоянно возвращалась въ послѣдніе годы своей жизни. Она читала ежедневно Евангеліе и „Кругъ Чтенія“ Толстого; за послѣднюю зиму она читала каждую субботу съ однимъ изъ близкихъ ей членовъ Теос. О-ва, З. К. Кроль, комментаріи д-ра Штейнера на Апокалипсисъ, которые даютъ замѣчательные по углубленности, но требующіе большой духовной зрѣлости разъясненія на тѣ вѣчные вопросы, которые за послѣднее время не переставали стоять передъ душой Анны Павловны. Глубоко интересовали ее также изреченія изъ „Голоса Безмолвія“, древне-восточной мистической книги, въ которой въ глубокихъ символахъ излагается путь къ достиженію святости; А. П. очень хотѣлось проникнуть въ самую глубину сокровеннаго смысла этой книги и она просила помощи у А. А. Каменской, которая во время своихъ посѣщеній читала ей вслухъ и комментировала символы „Голоса Безмолвія“. Послѣдняя книга, которую А. П. читала передъ смертью, была „Духовная Брань“, Никодима Святогорскаго. Но эти глубокіе духовные интересы нисколько не умаляли любящаго участія А. П. ко всѣмъ событіямъ текущей жизни; да иначе и быть не могло: эти духовные интересы были въ ней вызваны Теософіей, а Теософія никого не уводитъ изъ жизни; ея ученія соединяютъ высокую духовную культуру съ самымъ дѣятельнымъ участіемъ къ текущей жизни, и можно съ увѣренностью сказать, что именно эта нота дѣятельной любви, которой проникнуты всѣ теософическія ученія, и сдѣлала Анну Павловну горячей и убѣжденной послѣдовательницей Теософіи.

До самой послѣдней минуты не переставало ея сердце горѣть любовью къ людямъ, и близкимъ и дальнимъ. Незадолго до смерти, здороваясь съ навѣстившей ее З. К. Кроль, Анна Павловна радостно сообщила ей, что „съ вечера читала про побѣду англійскихъ рудокоповъ и такъ радовалась, что не могла заснуть всю ночь, все думала, какъ это хорошо, что имъ удалось улучшить свое положеніе!“ Если она способна была не спать отъ ра-

дости, что облегчилась судьба далекихъ и незнакомыхъ ей людей, можно себѣ представить, какъ горячо было ея отношеніе къ судьбѣ близкихъ друзей... Благодаря такому отношенію послѣдніе дни ея жизни были сильно омрачены тревогой, которая была вызвана судомъ надъ ея другомъ, А. А. Каменской, назначеннымъ на 12 марта; поводомъ привлеченія ея, какъ редактора „Вѣстника Теософіи“, на скамью подсудимыхъ, была пропущенная по недосмотру въ одной изъ переводныхъ статей названнаго журнала непочтительная фраза по адресу императора Константина Великаго; и хотя очень неправдоподобно, чтобы за такой недосмотръ возможно было осудить по 73-й статьѣ, *) все же Анна Павловна сильно волновалась за обвиняемую, а также безпокоилась за Теос. О-во; 11-го марта, наканунѣ суда, она пригласила къ себѣ редактора „Рѣчи“ І. Н. Гессена, котораго горячо убѣждала освѣтить этотъ вопросъ въ прессѣ съ его истинной стороны. „Гдѣ же свобода совѣсти, гдѣ свобода печати?... Ради Бога, напишите объ этомъ вопіющемъ дѣлѣ!“ говорила она. „Смотря въ ея горящіе глаза, слушая эту быструю оживленную рѣчь“ пишетъ І. Н. Гессенъ по поводу ея смерти въ газетѣ „Рѣчь“, „изумляясь этой чрезвычайной чуткости и отзывчивости, нельзя было не думать, что время надъ ней не властно и что мощь ея благородной души побѣждаетъ всѣ слабости тѣла“.

Внучка Анны Павловны, Т. Д. Каменецкая, была въ этотъ день съ ней и отъ нея я знаю, что А. П. сильно волновалась во время этого разговора, а послѣ ухода Гессена сидѣла грустная сказала только: „какіе они сухіе“ **) и затѣмъ принялась писать сочувственную телеграмму шлиссельбуржцу Н. А. Морозову, который былъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ за сборникъ стихотворенія „Звѣздныя пѣсни“.

Утро 12-го марта Анна Павловна провела въ сильномъ волненіи***); она хотѣла непременно сама присутствовать на судѣ, чтобы—какъ она выразилась—„оставаться въ минуты испытанія вмѣстѣ съ товарищами теософами“, но ее спасло отъ этого тяже-

*) А. А. Каменской былъ предъявленъ обвинительный актъ по 73-й статьѣ, въ которой дѣло идетъ о *кощунствѣ*, что влечетъ за собою наказаніе отъ заключенія въ крѣпости, до ссылки въ Сибирь.

**) Редакція отмѣчаетъ, что замѣткой въ „Рѣчи“ отъ 18 апрѣля У. Гессенъ выказалъ тонкое и глубокое пониманіе личности А. П. и сердечное вниманіе къ ея словамъ.

***) Въ 2 часа стало извѣстно, что слушаніе дѣла А. А. Каменской откладывается до мая и одинъ изъ членовъ Теос. О-ва—ихъ было около 20, остававшихся около подсудимой все время, пока она ожидала своей очереди, немедленно отправился къ Аннѣ Павловнѣ, чтобы сообщить ей, что суда не будетъ.

лаго испытанія то обстоятельство, что судоговореніе по поводу столь важнаго преступленія было при *закрытыхъ дверяхъ*.

14-го марта А. П. перенесла новое потрясеніе, читая брошюру: „Что такое Теософія и Теос. О-во“ бывшаго члена Совѣта Теос. О-ва К. Д. Кудрявцева, въ которой онъ враждебно выступаетъ противъ теософическаго движенія. Ее особенно сильно возмущало то обстоятельство, что недоговоренныя обвиненія и намеки брошюры были направлены на людей, въ безусловной правдивости которыхъ она была глубоко увѣрена, которые и привлекли то ее, прямую и искреннюю, болѣе всего своей искренностью, исключаяю щей всякую возможность какихъ бы то ни было кривыхъ путей.

На другой день, 15-го марта, А. А. Каменская застала ее отправляющей на почту свой докладъ на Международный Женскій Конгрессъ, который долженъ былъ собраться въ Брюсселѣ 28-го апрѣля; А. П. работала надъ этимъ докладомъ (краткое сообщеніе о положеніи юристокъ въ Россіи) наканунѣ, имѣла видъ усталый и нервный и очень обрадовалась, когда А. А. Каменская предложила составить для нея телеграмму на имя предсѣдательницы Женскаго Національнаго Совѣта въ Брюсселѣ, г-жи Попелень, о невозможности для А. П. по случаю нездоровья самой присутствовать на Конгрессѣ. Отправивъ докладъ и телеграмму, Анна Павловна съ грустью сказала, какъ ей тяжело, что она не въ состояніи быть на своемъ посту, что слѣдовало бы подвинуть дѣло сближенія русскихъ женщинъ съ европейскими и тутъ же прибавила, чтобы Анна Алексѣевна передала всѣмъ членамъ Теос. О-ва, что она „вправду не лѣнится“, что она душой каждый разъ съ ними, если физически и не можетъ такъ часто бывать въ О-вѣ, какъ прежде. Затѣмъ она перешла къ брошюрѣ Кудрявцева, которую еще не успѣла дочитать до конца; говорила какъ тяжело ей достаются такія вещи и какую трудную безсонную ночь она провела, думая о невѣрности людей и объ ихъ взаимномъ непониманіи; видя, какъ она волнуется и огорчается, А. А. рѣшила взять у нея брошюру. „Если нужна—берите!“ сказала Анна Павловна и прибавила: „ну, дорогая, не будемъ больше говорить объ этомъ, Господь съ нимъ! будемъ продолжать наше дѣло и Господь намъ поможетъ!“ Не надѣясь быть сама на ближайшемъ Совѣтѣ О-ва, А. П. просила передать его членамъ свое мнѣніе о томъ, какъ слѣдуетъ отозваться на нападеніе Кудрявцева и съ обычной своей вѣрой въ хорошихъ людей прибавила: „теперь на насъ обрушатся въ печати, начнутъ поливать помоями, а мы должны молчать, совсѣмъ не вступать въ полемику, пусть за насъ вступятся хорошіе люди“.

Желая отвлечь огорченную А. П. отъ грустныхъ мыслей, А. А. Каменская стала рассказывать о своей скорой поѣздкѣ въ Варшаву, куда ее приглашали польскіе теософы на открытіе польскаго Теософическаго Общества, а затѣмъ въ Финляндію, гдѣ ее уже давно просили прочитать лекцію по теософіи. Анна Павловна очень обрадовалась, начала съ одушевленіемъ говорить—какъ это важно, особенно для поляковъ, какъ дорого такое духовное сближеніе и какое облегченіе можетъ внести въ тяжелое настроеніе поляковъ духовный свѣтъ, который приноситъ съ собой теософія. Просила кланяться полякамъ и финляндцамъ и, провожая Анну Алексѣвну, радостно повторяла: „поѣзжайте, голубушка! Господь благословитъ вашу работу!“ Прощаніе ихъ было самое свѣтлое; А. П. вся сіяла, снова и снова выражала свое удовольствіе по поводу этой поѣздки и желала А. А. Каменской радостно встрѣтить приближающійся Свѣтлый Праздникъ.

16-го марта Анна Павловна встала въ свое время и написала свое послѣднее письмо; оно было къ А. А. Каменской, состояло изъ нѣсколькихъ строкъ, въ которыхъ выражалась ея послѣдняя забота о друзьяхъ. Въ 4 часа у нея сдѣлался ударъ, но до утра слѣдующаго дня сознаніе, хотя слабо, но не переставало дѣйствовать, а затѣмъ она заснула и болѣе уже не просыпалась; между 8 и 9 час. вечера она тихо и спокойно перешла въ иной міръ.

* * *

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о погребеніи праха Анны Павловны, которое состоялось 22-го марта въ с. Богдановскомъ, на шестой день послѣ ея кончины. Въ ожиданіи младшаго сына Анны Павловны, который долженъ былъ пріѣхать изъ Франціи, гробъ съ ея останками оставался четыре дня въ квартирѣ усопшей, и за эти четыре дня происходило настоящее паломничество къ гробу той, которая всю жизнь была истиннымъ другомъ людей. Стѣны ея спальни, а затѣмъ и гостиной, покрылись вѣнками изъ живыхъ и искусственныхъ цвѣтовъ, что имъ придало видъ часовни; въ рукахъ у Анны Павловны, скончавшейся въ Вербную Субботу, виднѣлась вѣточка вербы, которую ей принесла ея маленькая любимица-внучка. Слушательницы Высшихъ Женскихъ Курсовъ устроили посмѣнные дежурства у ея гроба.

Выносъ тѣла былъ назначенъ 21 марта въ 10 ч. утра и къ этому времени вся квартира усопшей была переполнена и сотни людей ожидали выносъ тѣла на улицѣ. Когда родственники по-

койной и представительницы Обществъ, въ которыхъ работала Анна Павловна, вынесли гробъ и поставили его на траурную колесницу, похоронная процессія направилась къ Владимирскому собору и по пути къ ней присоединялись все новыя толпы народа, сдерживаемыя живой цѣпью студентовъ и слушательницъ медицинскихъ, Бестужевскихъ и др. женскихъ курсовъ. За гробомъ шли депутаціи въ такомъ порядкѣ: отъ о-ва высшихъ курсовъ, отъ женскаго взаимно-благотворительнаго о-ва, отъ теософическаго о-ва, отъ о-ва вспоможенія высшимъ курсамъ, отъ о-ва дешевыхъ квартиръ, отъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ, отъ женской прогрессивной партіи, отъ Петерб. женск. клуба, отъ російской лиги равноправія женщинъ, отъ о-ва охраненія правъ женщинъ, отъ польскаго женскаго о-ва, отъ о-ва воспитательницъ и учительницъ, отъ женск. медицинскаго института, отъ о-ва взаимопомощи женщинъ-врачей, отъ курсовъ:сельско-хозяйственныхъ, историко-литературныхъ, архитектурныхъ и политехн., отъ педагогич. академіи, отъ женск. педагогич. инстит., отъ союза польскихъ женщинъ, отъ финскихъ женщинъ, отъ еврейскаго о-ва грамотности и отъ другихъ обществъ. Всѣхъ депутацій, участвовавшихъ въ похоронной процессіи, было около 30. Кромѣ депутацій, за гробомъ шли представители науки и литературы, профессора, члены Госуд. Думы и Госуд. Совѣта, представители присяжныхъ повѣренныхъ и различныхъ культурныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій Петербурга и много учащейся молодежи. У Владимирскаго собора траурная колесница была встрѣчена духовенствомъ. Огромная толпа, не попавшая въ храмъ, осталась на улицѣ.

Послѣ заупокойной литургіи, учащіеся понесли гробъ съ прахомъ Анны Павловны на рукахъ до Царскосельскаго вокзала. Когда гробъ былъ поставленъ въ траурный вагонъ и туда перенесли всѣ вѣнки, едва помѣщавшіеся на трехъ колесницахъ, послѣ краткой панихиды были произнесены рѣчи представительницами о-ва помощи высшимъ женскимъ курсамъ (О. К. Нечаева), фребелевскаго о-ва (А. М. Калмыкова и лиги равноправія женщинъ (П. Н. Шишкина-Явейнъ.).

22-го происходилъ обрядъ погребенія въ с. Богдановскомъ, Псковской губ. Приведу описаніе этого погребенія присутствовавшей на немъ представительницы Р. Теософическаго о-ва Ц. Л. Гельмбольдтъ.

„Яркое весеннее солнце залило лучами своими небольшую станцію Сушово, Царскосельской ж. д. Казалось, будто сама природа хотѣла во всей своей красѣ отдать послѣдній долгъ чело-

вѣку великаго сердца. Уже съ утра со всѣхъ концовъ стали собираться къ траурному вагону мѣстные крестьяне. Въ 9 часовъ утра, по совершеніи мѣстнымъ духовенствомъ литіи, въ присутствіи семьи покойной и представителей отъ Бестужевскихъ курсовъ, Русскаго Женскаго Общества, перваго общежитія Женскаго Общества и Россійскаго Теософическаго Общества, гробъ съ прахомъ А. П. Философовой былъ вынесенъ изъ траурнаго вагона сыновьями и внуками покойной. Траурная процессія двинулась къ Богдановскому въ сопровожденіи крестьянъ, несшихъ вѣнки. Здѣсь, навстрѣчу была вынесена старинная икона и передъ открытыми дверями дома была совершена литія. На Богдановскомъ лежитъ какая то особая печать любовной заботы и духа А. П. Все полно ею; здѣсь любила она гулять, здѣсь любила отдыхать во время прогулки, здѣсь слѣдила за веселой игрой молодежи, здѣсь у окна сидѣла она съ книжкой и карандашемъ въ рукахъ, а вотъ и балконъ, съ котораго она любила смотрѣть на скромный бѣжаницкій храмъ. Этотъ дивный паркъ, этотъ милый домъ навѣваетъ тихое, мирное настроеніе, вызывающее воспоминаніе о свѣтлой и чуткой душѣ А. П. Изъ Богдановскаго шествіе направилось къ храму села Бѣжаницы мимо школы и пріемнаго покоя, основаннаго А. П. Послѣ зау покойной обѣдни гробъ былъ опущенъ въ могилу, приготовленную въ склепѣ близъ храма. Въ склепѣ, за стеклами шкафовъ бережно хранятся всѣ вѣнки съ гроба покойнаго мужа А. П.—еще одна черта бережнаго и любовнаго отношенія покойной ко всякому общественному вниманію. Надъ могилой были произнесены рѣчи: г-жа Скворцова, представительница Бестужевскихъ курсовъ сказала, что русская женщина не забудетъ завѣтовъ А. П., которая въ образованіи видѣла путь къ освобожденію женщины и къ ея равноправію. Г-жа Юзофовичъ, представительница 1-го Общежитія Русскаго Женскаго Общества, указала, что дѣло исторіи дать характеристику общественной дѣятельности А. П., ей же лично хочется подчеркнуть ту основную ноту, которую Анна Павловна проводила въ своей жизни — ноту единенія. „Въ единеніи сила“ были любимыя слова А. П., и это единеніе могла создавать только она, полная неутомимой энергіи и силы. Представительница Теософическаго о-ва сказала слѣдующее: „Да ниспадетъ каждая жгучая человѣческая слеза въ глубину твоего сердца и да пребываетъ она тамъ; не удаляй ее пока не устранилась печаль, ее родившая“. Эти слова настольной книги каждаго Теософа выражаютъ все настроеніе души А. П. Ея живая вѣра въ безпредѣльную цѣнность человѣческой души и ея

сознание нравственной ответственности за всякое зло, творимое на землѣ, составляли основную ноту всей ея жизни и являлись импульсомъ, двигавшимъ А. П. на ея многообразную дѣятельность. Странаніе человѣка всегда западало въ ея всеобъемлющее сердце, образуя въ немъ тотъ живой родникъ, изъ котораго истекало свѣтлое вдохновеніе, создавшее непрерывную нить дѣятельности А. П. до послѣдней минуты ея жизни. Служеніе человѣчеству—вотъ девизъ ея жизни. Служеніе безъ мысли о себѣ, безъ остановки передъ какими бы то ни было препятствіями. И теперь мы глубоко вѣримъ, что духъ А. П., освобожденный отъ своей физической оболочки, все же остается съ нами и будетъ звать насъ къ лучшей, болѣе чистой и глубокой жизни,—къ жизни духа. Не забудеть А. П. земля русская, на пользу которой она трудилась такъ беззаветно, не забудеть ея и Теософическое О-во столь близкое А. П. по своимъ вѣчнымъ идеаламъ. Миръ праху твоему незабвенный другъ!“

Е. Писарева.

25 іюня 1912 г.

Если человѣкъ сознаетъ и чувствуетъ Бога въ своей душѣ, онъ сознаетъ и чувствуетъ свое единство со всѣми людьми міра.

Изъ Круга Чтенія Л. Толстого.

Прим. автора. Матеріалы, которыми я пользовалась при составленіи, этого очерка: Записки самой Анны Павловны, копии съ поднесенныхъ ей адресовъ, „Воспоминанія“ В. Стасова, „Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи“ Е. Лихачевой и „С.-Петербур. высшіе женскіе курсы за 25 лѣтъ“, изданіе комитета для доставленія средствъ В. Ж. курсамъ были мнѣ вручены самой Анной Павловной, когда я задумала написать очеркъ ея дѣятельности для англійскаго журнала „The Teosophist“.